

Валерий ГОРШКОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ПО ПРОЗВИЩУ
ВОРОН
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР

Валерий Сергеевич Горшков

Личный выбор

Серия «По прозвищу Ворон», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139255
Личный выбор: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18279-9*

Аннотация

Ворон устал жить в вечном напряге, устал мочить бандитскую масть. Тем более что он раскрыт – теперь спецслужбы охотятся не за неуловимым «народным мстителем», а за майором СОБРа Сергеем Северовым. Он им нужен, ведь в той войне, что захлестнула страну, в войне политиков, олигархов, бандитов, наркобаронов, такой профи, как Ворон, на вес золота. И план полковника ГРУ Гайтанова сработал. Вот он – Ворон, окружен спецназовцами со всех сторон, надежно блокирован, выхода у него нет. Но Ворон всегда сам принимает решения. И сейчас, в этой безвыходной ситуации, он сделает свой личный выбор.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	14
Бывшие «шестерки» создают свою организацию	14
Сергей Северов слишком часто встречается Ирину Сосновскую	21
Бита придумывает название группировки	24
Капитан Дреев теряет друга	28
Бородатый нотариус жениться не успел	31
Ирина Сосновская становится актрисой	37
Секьюрити теряет равновесие	42
Менделеев-младший принимает заказ Тимофея	48
Директор рынка отказался выпить по рюмочке	53
Часть вторая	63
Ворон снова хочет стать невидимкой	63
Генерал Корнач излагает свой замысел	68
Господин Блох поужинал в одиночестве	75
Полковник Гайтанов выкладывает свой план	83
Ворон и хирург катаются на «Субару»	89
Опер УБНОна дает показания	95
Доктор Блох решил идти до конца	101

Генерал ФСБ заматывает «кокс»	105
Офицеры госбезопасности работают по плану	109
Корнача	
Осведомитель УБНОНа завязал с наркотой и стал алкоголиком	116
Медсестра Анечка снимает стресс своему шефу	125
Часть третья	132
Разведчик хочет спать	132
Ворон и Али крутят порнуху	136
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Валерий Горшков

Личный выбор

*Герои и персонажи в романе вымышлены.
Совпадения с реальными лицами и событиями
случайны.*

Пролог

Джип с охраной внезапно воспарил над землей и тяжело рухнул вниз. По нему из придорожных кустов сразу же ударили два ручных гранатомета.

Бронированный «ЗИЛ» после прямого попадания в него противотанковой ракеты разлетелся, как картонная коробка.

Все содержимое машины, включая пассажира и водителя, разлетелось по воздуху в виде различных элементарных конструкций – костей, рук, погон, ног, фуражек, голов...

Причем уже на приличной высоте от земли оторванная генеральская рука шлепнула по оторванной же голове шофера вроде как за его нерадивость...

Генерал Зайцев, третий человек в ФСБ, выключил видеоплеер. Уже десятки раз он наблюдал эту жуткую картину гибели своего заместителя вместе с его охраной, восстановленную доками-компьютерщиками. Те утверждали, что их ви-

деоверсия точна, по крайней мере, на девяносто процентов.

Но Зайцев им не очень доверял. Особенно генерала смущала пощечина в воздухе своего зама его шоферу – он расценивал это как пошлую шутку циников-компьютерщиков, но раз за разом включал видеоплеер и внимательно вглядывался в каждую деталь.

Сама по себе картина расстрела кортежа не позволяла сделать каких-либо очевидных выводов ни о заказчиках, ни об исполнителях этой неслыханной по наглости акции даже такому серьезному профессионалу, как генерал Зайцев. Тем не менее версия, основанная на его личных соображениях, у него имелась, и он опять и опять пытался найти ей подтверждение в каком-либо малозаметном нюансе на мониторе.

Но сейчас уже было не до того. Не оставалось даже времени продумать, чтобы подобная ситуация не могла повториться. Надо было ехать на аудиенцию к Самому, а опаздывать к нему не полагалось.

А тут еще телефонный звонок по «вертушке», остановивший Зайцева буквально на пороге кабинета и продержавший целых семь минут. Главный, вторую неделю гриппующий на своей даче, то и дело сбиваясь на судорожный кашель, хриплым голосом давал последние инструкции перед труднейшим годовым докладом Верховному главнокомандующему, целиком посвященным громким заказным убийствам. А если точнее – их раскрытию.

Впервые высочайшая честь озвучить кое-как сверстанный

аналитиками доклад была поручена ему, генерал-лейтенанту Зайцеву, недавно назначенному вторым заместителем директора Федеральной службы безопасности.

Первый зам, уже успевший в кругах небожителей в погонах получить прозвище Фигаро, как назло, снова находился за океаном, в Лэнгли, по приглашению американской стороны, знакомясь с логовом заклятого врага...

Понятное дело, Зайцев сильно нервничал, но успокоить душу даже глотком коньяка не рискнул – из-за запаха. Никаких таблеток он вообще не употреблял. Оставалось одно проверенное средство – секс.

Казалось, на него-то времени как раз вообще не оставалось. Но, слава богу, в его бронированном «ЗИЛе» есть просторное заднее сиденье, отделенное от шофера темным стеклом.

Он сделал соответствующее распоряжение по внутренней связи. После чего, набросив форменный плащ на плечи и подхватив чемоданчик с секретным донесением, Аркадий Иванович выскочил в просторный коридор пятого этажа здания на Лубянке и, сопровождаемый как из-под земли выросшими по обе стороны его коренастой фигуры телохранителями, быстрым шагом направился к лифту, чья просторная кабинка с открытыми дверями уже дожидалась в холле.

В полном молчании все трое спустились вниз и, не обращая внимания на привычно козырнувшего дежурного полковника у массивных дубовых дверей, через главный вход

покинули здание на Лубянке, тут же оказавшись в теплом чреве двух поджидающих снаружи автомобилей. Генерал, как всегда, разместился на заднем сиденье черного бронированного «ЗИЛа», где уже находилась Леночка, а охрана – в сопровождающем его джипе «Мерседесе».

Тронулись, привычно включив мигалки и почти сразу набрав крейсерскую для городской черты скорость...

До загородной резиденции Самого, находящегося в окружении челяди, охраны и дивных вековых сосен, путь предстоял не близкий.

Зайцев, нахмурившись, взглянул на наручные часы – золотой «Ролекс».

– Володя, мы должны быть вовремя. Так что думай, как и что... – властно произнес генерал, обращаясь к сидящему за рулем «членовоза» водителю – стройному холеному парню лет тридцати, при необходимости способному на множество всяких подвигов.

– Не волнуйтесь, Аркадий Иванович, сейчас за город выберемся, а там – долетим как ласточки, – уверенно отозвался капитан, чуть улыбнувшись. – Не в первый раз!

– Ну-ну... – бесцветно буркнул в ответ комитетчик, не обращая пока никакого внимания на сопровождающую его юную женщину, указательным пальцем поправил съехавшие на кончик носа дымчатые очки и, положив на колени несгораемый «дипломат» с документами, вскрыл оба цифровых замка.

Достал лишь один лист, с последним секретным донесением, полученным из Северной столицы по факсу буквально за полчаса до разговора с Главным. Возможно, именно данная бумажка поможет хоть как-то сгладить несладкую картину с общим положением дел по раскрытию «заказников»...

Пожалуй, это уже что-то!

В донесении доверенного лица, покуда не официальном, сообщалось о поимке питерскими спецами одного из самых таинственных киллеров в новейшей истории России, некоего Ворона, с филигранной чистотой исполнявшего всякую мразь, в том числе и известнейших воровских авторитетов Северо-Запада. Согласно оперативным сведениям МВД, общее число положенных им жмуриков приближалось к тридцати...

Не слабо. За такого крутого мочилу Сам, пожалуй, закроет глаза на общий, более чем смехотворный процент раскрываемости резонансных преступлений...

Особенно если президенту прозрачно намекнуть, что, мол, именно этот самый Ворон подозревается в исполнении нескольких особо шумных заказов, в том числе и набивших оскомину ликвидаций журналиста Березкина и бизнесмена Квадришвили.

Да, так генерал и сделает! Главное – до поры успокоить Самого, обнадежить, показать видимость работы... А там – как карта ляжет...

Любопытно, почему местный, питерский, УФСБ до сих

пор официально не сообщил о задержании этого профи? Маловероятно, что его источник на Литейном рискнул сбросить генералу непроверенную информацию... Может, у питерцев какие-то свои тайные планы в отношении этого Ворона? В таких делах следует ждать любых сюрпризов...

Еще раз пробежав глазами докладную, Аркадий Иванович убрал ее в «дипломат», закрыл замки и положил чемоданчик рядом с собой на сиденье.

Теперь он внимательно посмотрел на Леночку тем особым взглядом, который она хорошо изучила за последние три года службы с генералом.

Лейтенант Линько тут же безропотно легла на широкое сиденье «членовоза» и послушно раздвинула свои стройные, хотя и слегка полноватые ноги. Под платьем у нее уже, точнее заранее, ничего не было.

Нельзя сказать, что юная женщина только по принуждению – в силу служебной зависимости – отдавалась немолодому уже мужчине. Дело в том, что генерал Зайцев с годами пристрастился к оральному сексу, достигнув в нем определенных вершин. Вот и сейчас, обняв женщину за бедра, он стал расчетливо, с нарастающим эффектом обрабатывать языком ее гениталии.

Та блаженно постанывала, в рваном ритме вздымая и опуская широкоформатный бюст и испытывая при этом лишь некоторый дискомфорт от того, что партнер никак не реагировал на ее пылающую грудь.

Но генерал действовал по собственной, отработанной годами технологии, согласно своим чувственным предпочтениям, и усердно рихтовал шершавыми ладонями тоже вполне достойный повышенного внимания зад лейтенанта Елены Линько.

И из души генерала Зайцева постепенно исчезли мучившие его проблемы – плохо подготовленный доклад президенту, убийство заместителя, загадочный киллер по прозвищу Ворон...

Слякотная осенняя Москва осталась далеко позади, и кортеж генерала резво летел по Дмитровскому шоссе, нагоняя истраченное на внеплановый телефонный разговор время.

До правительственной резиденции «Тополь» оставалось еще километров двадцать, когда кортеж, свернув с трассы на примыкающую дорогу, вдруг наткнулся на неожиданную преграду.

– Что за черт? – тихо выругался водитель, резко сбавляя скорость после очередного крутого поворота, когда не слишком широкая дорога, обогнув лесистый холм, плавно уходила влево. – Только этого нам еще не хватало... Похоже, придется делать крюк и ехать в объезд, товарищ генерал-лейтенант. Теперь точно опоздаем, минимум минут на десять.

Но генерал решительно не мог оторваться от своего занятия и никак не отреагировал на сообщение капитана.

Между тем посреди дороги стояла фура с поднятой каби-

ной, рядом с которой суетились, махая руками, двое всклокоченных дальнобойщиков – толстый и тонкий. Со стороны это выглядело вполне безобидно – у выехавшего с примыкающей дороги грузовика вдруг заглох двигатель.

Но водитель «ЗИЛа» уже засек в зеркале заднего вида, как метрах в пятидесяти за дернувшимся было на разворот джипом с охраной нагло выполз из леса на дорогу еще один грузовик, на сей раз самосвал, под завязку груженный щебнем...

Кортеж оказался в западне, вырваться из которой, обогнув грузовики по обочине, было невозможно – по обе стороны дороги располагалась неширокая, но явно непреодолимая даже для джипа отвесная канава...

Это была засада. Это был конец. И рассчитывать на пуленепробиваемые стекла и бронированный корпус бывшего андроповского «членовоза» теперь глупо. Те, кто столь тщательно подготовили ловушку, наверняка знали, что нужно делать, дабы вскрыть эту крепкую консервную банку...

Далее все произошло, как на генеральском видеоплеере, – внедорожник с личной охраной Зайцева мгновенно превратился в чадящий столб черно-оранжевого клубящегося огня.

Капитан стал отчаянно выкручивать «баранку». Взревев мотором, длинный «ЗИЛ» непостижимым образом стремительно развернулся на крохотном пятачке асфальта. Взвизгнув колесами и мгновенно набрав скорость, всей своей пятитонной массой протаранил пылающий факел, отбросив остов

джиба в сторону, словно это был бутафорский киношный муляж, и вылетел навстречу самосвалу со щебнем.

Когда до неизбежного столкновения оставалось не больше секунды, Володя снова крутанул руль, бросая машину в правый кювет.

Это был единственный шанс на спасение – дать броневнику возможность на скорости перепрыгнуть через двухметровую канаву и, тараном разворотив кусты, снова выскочить на дорогу в нескольких метрах позади самосвала.

Но сокрушительный, чудовищной силы удар в левую сторону кузова не дал «ЗИЛу» закончить маневр. Пробив трехслойную пятидесятимиллиметровую броню, управляемый ракетный снаряд оглушительно взорвался внутри машины. В радиусе двух десятков метров разлетелись обугленные клочки различного содержания.

Впрочем, на воздух взлетели и достаточно хорошо сохранившиеся фрагменты – голова генерала, плотно зажата между ног потерявшей значительную часть своего шикарного бюста Леночки, все так же интенсивно работала языком, а оторванная рука Зайцева, с золотым «Ролексом», пролетая мимо оторванной же головы его шофера, закатила ей увесистую оплеуху...

Часть первая

Пионеры

Бывшие «шестерки» создают свою организацию

В маленьком уютном кафе-шашлычной, затерявшемся в переулках центральной части Петербурга, было немногочисленно.

У стойки бара, не спеша потягивая кофе с коньяком и вот уже полчаса непрерывно болтая по сотовому телефону, сидел на высоком стуле солидного вида мужик в очках, а за одним из трех столиков, в углу, с кружками финского разливного пива, расположились трое коротко стриженных парней лет двадцати в кожаных куртках и спортивных штанах – вот и вся клиентура.

Угрюмо насупив брови, пацаны вели начатый еще утром разговор. Им было о чем побазарить, ибо все трое совсем недавно принадлежали к распавшейся группировке Влада Кайманова по кличке Кай.

На днях их шеф, попав в плен к известному мокрушнику Алтайцу и его сподручному Скелету, не ударил рожей в грязь и геройски погиб, взорвав прямо в логове врагов до поры

спрятанную в потайном кармане гранату. «Фарш» получился что надо...

А на следующий день питерский РУБОП, пользуясь неразберихой, начал повальные аресты братвы из обеих группировок, пачками срывая пацанов из бань, квартир, тачек и кабаков, бросая рожками в асфальт, отбивая яйца и залихватски вышибая зубы пудовыми кулачищами.

Оставшиеся на свободе боевики от греха подальше либо срочно уехали из города, либо залегли на дно.

В некоторых районах Питера воцарилось безвластие...

– Не, пацаны, упускать такой момент нельзя! – отхлебнув пива и утерев рукавом губы, категорически заявил Чахлый, скуластый и приземистый черноволосый «пехотинец» с огромными ручищами. – Столько бабок в воздухе повисло, барыги в непонятках, не знают, кому максать! Дрожат, суки, в ожидании новых гостей... А некоторые, особо шустрые, уже наверняка под мусорскую «крышу» переметнулись, ручонки свои потные от радости потирая!

– Ну я ваще готов... Если вы сами подписываетесь – хоть прямо сейчас можем! – проглотив последний кусок жареного мяса, положив шампур на тарелку и смачно рыгнув, с готовностью доложил двухметровый громила Бита, еще в детском саду получивший позорную тогда белую книжечку с категорическим диагнозом «олигофрения в стадии дебильности».

Это потом, когда пришло время идти в армию, выяснилось, что ему, оказывается, жутко повезло! А раньше, все

школьные годы, только крепкий лоб, обида на весь окружающий мир и незаживающие кулаки помогли Бите противостоять язвительным подколкам и усмешкам других, «нормальных» одноклассников, сейчас не имеющих ни работы, ни бабок, ни тачки. Зато он, Бита, полноправный браток. Во!..

– Чтобы самим делать объёму и собирать процент под себя, нужно иметь авторитет среди братвы! – логично заметил интеллеktуал Доцент, среди их команды, сложившейся еще в вонючем дворе-колодце на Лиговке, всегда отличавшийся умом и сообразительностью и получивший свое звучное погоняло благодаря известному всей стране киноперсонажу, замечательно сыгранному заслуженным Винни-Пухом страны Евгением Леоновым. – А у нас его нет!.. Какие у нас заслуги?! Фраеров всяких залетных на рынке бомбили, с ножичком и кастетом?! Лажа, дерьмо!.. Или, может быть, мы на стрелки с мочиловом ездили, как другие пацаны?! А потом зарывали трупы чужаков на дне свежевырытых могил?! Кто с нами, «шестерками», говорить станет, а?! «Ростовские»? Или, может, «воркутинские»?

– Заставим – станут! – непреклонно стоял на своем Чахлый, маленькие прищуренные глазки которого, бегающие из стороны в сторону, светились решимостью и дьявольским огнем. – Главное, пока не поздно, застолбить как можно больше свободных коммерцев, вогнав их в дикий ужас! А когда появятся претенденты на нашу долю, забивать стрел-

ку и без лишних слов валить их прямо на месте! Вспомни, как начинал Кай! Когда он свинтил из Прибалтики, у него в кармане не было ни гроша! А уже через неделю, базарят, на шее Кая висела стограммовая голда, в кармане лежал мобильник, а по городу он катался на новеньком черном «мерине»! Так что, если струсил, лучше сразу скажи, мы пойдем, верно, Бита? И не хер тут по ушам ездить, понял?! Авторитет, авторитет! Да срал я с небоскреба на всех этих авторитетов, ясно?

– Ничего я не боюсь, – сквозь зубы процедил Доцент, окатив обоих братков оскорбленным взглядом. – И могу доказать это хоть сейчас. Я так же, как и вы, хочу иметь много «капусты», ездить с биксами на «шестисотом» «мерсе», не запирая его на ночь, и носить на шее стограммовую голду! Но, чтобы стать такими, как Кай, нужно сразу решить – согласны мы пойти до самого конца или нет? Ведь никто из нас еще ни разу не убивал, так откуда ты уверен, что сможешь легко грохнуть каждого, кто встанет на дороге? У нас даже стволов нет, бля!

– Ты за всех-то не говори, – шмыгнув вечно сопливым носом, с гордостью пробасил Бита, прикуривая сигарету. – Забыл про того бомжа, который нассал в моем подъезде у почтовых ящиков? Я сам из окна потом труповозку с санитарями видел. – Многозначительно покачав в воздухе кулаком с отбитыми задубевшими костяшками, олигофрен растянул до ушей толстые обветренные губы. – Я уже убийца! И хоть

бы хрен... Никаких ночных кошмаров. Мочить – ништяк, в натуре, братва. Словно кончаешь.

– Ладно, хорош препираться, пацаны, – твердо сказал Чахлый. – Возможно, другой такой возможности быстро подняться у нас уже никогда не обломится. Через неделю все точки будут заняты, надо действовать прямо сегодня! Не хотел вам говорить, но волына у меня есть, – почти шепотом сообщил он, похлопав себя по животу, – купил у одного пидора на рынке. За пятьдесят баксов... Наверняка паленая, но для начала сойдет.

– Что ты конкретно предлагаешь? – деловито спросил Доцент, брезгливо покосившись на сосредоточенно ковыряющего в носу у всех на глазах дурака Биту.

– Нужно придумать, как будет называться наша группировка, а потом отправиться по тем барыгам, которые платили Каю, обозначиться и снять с них первый куш! – ответил Чахлый. – И сразу возьмемся за самые сладкие фирмы, пока другие бригады не заявили. Есть у меня на примете пара адресов... Можем начинать. Дальше видно будет.

– А какой телефон для контакта давать будем? Не знаю, как у вас, но у меня в кармане полный голяк, – признался, облизав вымазанный в бараньем жиру палец, Бита. – Для начала нужны бабки, чтобы купить трубу. Я за хавчик последние копейки выбросил...

– Слышь, а он ведь дело говорит, – нахмутив брови и посмотрев на Чахлого, задумчиво буркнул Доцент. – Без моби-

лы нельзя. Нам на рынке помаздать телефоны не нужны были, а сейчас без них не обойтись. Да и тачку крутую зацепить не мешает. У барыг вон «бээмвухи» да «Форды». А мы – на «Жигулях» сраных, да?! Смешно.

– Значит, надо быстро разбогатеть и купить трубу с тачкой, – уверенно заявил Чахлый, залпом допивая пиво и отодвигая от себя кружку. – Или на время одолжить у какого-нибудь лоха мобилу с колесами. Кстати, поглядите на того бородатого очкарика, который у стойки кофе сосет. У входа в кафешку стоит «Тойота», новье. Бля буду, его тачила! Можно подождать снаружи, пока садиться за руль будет, дать по башке, отвезти за город...

– А че? Мне нравится! – расплылся в улыбке Бита, обернувшись через плечо и с интересом изучая сидящего у барной стойки, спиной к их столику, солидного мужика лет сорока пяти. – Чур, я его кончу, суку!

– Можно, – помедлив с ответом, нехотя присоединился Доцент, не желая показывать свой мандраж и выпадать из коллектива. – Кто начнет?

– Я! – злобно заявил Чахлый, распаленный идеей быстрого обогащения и стремительного броска из «шестерок» в авторитеты. – Переулок здесь тихий, народу мало... Как только отключит сигнализацию, я подсказываю, бью по башке пистолетом и сажусь за руль. А вы перетаскиваете его на заднее сиденье, шмонаете, и пусть сидит у стекла, типа, пьяный. Гоним в лес, а там видно будет! Код мобилы скажет, бабки

отберем, кончим – и все дела. На первое время сойдет, пока не поднимемся...

– Клево! – обрадованно закивал Бита, от нетерпения начав ерзать на стуле своей огромной задницей. – Разденем барыгу догола, привяжем к дереву и начнем пытать, как гестапо!

– Смотрите, он расплачивается с барменом! – Доцент, у которого от предстоящей расправы неприятно холодило под ребрами, торопливо толкнул Чахлого, кивком головы указывая на доставшего бумажник посетителя. – Пора сваливать на улицу. Тут рядом подворотня...

Сергей Северов слишком часто встречается Ирину Сосновскую

Он заметил ее красный плащ издалека. Она стояла на оживленном перекрестке и явно что-то или кого-то выглядывала.

Ворон, ведущий весьма специфический образ жизни, не мог не быть обеспокоен столь частыми случайными встречами с одним и тем же человеком. А Ирина Сосновская ему «попадалась» уже четвертый раз за последние несколько месяцев.

Конечно, Сергей получил от нее неоценимую информацию – в частности, что его личность установлена «компетентными органами».

Но Северов слишком долго работал в спецслужбах и знал, на какие изощренные комбинации они способны. Эта девушка с фигурой топ-модели и потенциально самая богатая невеста Санкт-Петербурга могла оказаться хитрой подставой, вероятно даже используемой «органами» втемную.

Но, возможно, она ожидала совсем другого человека – откуда ей, собственно, знать о маршруте его красной «Субару»?

Так или иначе, разворачиваться посреди улицы, в запрещенном для подобного маневра месте, из-за каких-то смутных подозрений выглядело довольно глупо, и Сергей про-

должил движение вперед.

Девушка в красном плаще тут же подняла руку.

Конечно, такая молодая особа со столь выразительной внешностью не могла не привлечь внимания мужчин, в том числе и тех, кто сидел за рулем. К девушке с поднятой рукой мгновенно выстроилась длинная очередь, причем в основном из престижных иномарок.

Но Ирина нервическими движениями руки давала понять, чтобы они проезжали дальше.

В принципе для сохранения душевного спокойствия по газам мог бы ударить и Сергей Северов. Тем более что он не воспринимал Ирину Сосновскую как юную привлекательную женщину. Из его памяти еще не выветрилось ее, попросту говоря, блядское поведение на базе киднеперов. Да и вообще у Северова сложилось мнение о Сосновской как о шальной шалаве, избалованной папенькиными наворованными денежками.

Тем не менее какое-то неясное ему самому чувство заставило Сергея нажать на тормоз, а не на акселератор.

Он открыл переднюю дверцу, и Ирина тут же оказалась в салоне.

– Ты как меня выследила? – вместо приветствия довольно хмуро осведомился Ворон.

– Вы часто проезжаете по этой трассе, – пожалала она плечами.

«Эта девица выглядит сметливей всех питерских сыска-

рей», – не без удивления отметил он. А еще Северов отметил ее крайне встревоженный и даже несчастный вид.

– Что-то еще случилось?

Тут произошло неожиданное: Ирина разрыдалась, повиснув у Сергея на плече – ему с трудом удалось удержать управление машиной.

Он дал девушке время выплакаться, потом успокаивающе погладил ее по разбросанным по упругим плечам волосам.

– Ну-ну! Будет хныкать. Безвыходных ситуаций, как известно, не бывает. Итак, в чем дело?

Бита придумывает название группировки

– Пошли, братва, – поднимаясь из-за стола, сухо сказал Чахлый, с ходу взяв руководство свежеиспеченной бригадой в свои руки. – Сейчас мы этого лоха обдерем, как сраного, пикнуть не успеет, как придет звездац!..

– Когда привяжем к дереву, нужно не забыть обоссать, – глубокомысленно наморщив единственную извилину в крохотном, гладком, как колено, мозгу, с серьезным лицом заявил подельникам Бита, когда вся троица, покинув кафе, спряталась в ожидании жертвы за полуоткрытыми металлическими воротами арки, ведущей в глубину двора. – Так всегда крутые делают, я в кино видел... Типа имели мы тебя, петух!

– Все, замолчите! – прошипел Чахлый, выхватывая из-за пояса черный револьвер и осторожно выглядывая в переулоч. – Он вышел. Так... Ключи с брелком достал! Вперед, гасим!

Выждав, пока «Тойота», открываясь после нажатия на кнопку брелка, моргнет габаритными огнями, Чахлый пулей выскочил из утопающей в тени арки, в два прыжка преодолел отделяющее его от мужика расстояние и взмахнул револьвером, метя в лысоватый затылок...

Услышав у себя за спиной торопливый топот, хозяин рос-

кошной иномарки, внешне очень смахивающий на преуспевающего адвоката, суетливо обернулся, глаза его на мгновение встретились с кровожадным взглядом оказавшегося рядом бритого парня с перекошенной рожой, и он, отчетливо увидев занесенный над ним пистолет, попытался защититься от удара рукой. Но все-таки опоздал...

Тяжелая стальная ручка тупо врезалась в висок над его левым ухом. В раскальвающейся пополам голове бедолаги словно взорвалась чудовищно яркая световая граната, а потом сознание заволкло липким туманом, и вокруг наступила полная тишина...

– Хватайте его, живо! – Ловко вырвав из руки грузно оседающего на скользкий асфальт мужика ключи от машины и подождав, пока тяжелую ношу подхватят под руки и поволокут к заднему сиденью Бита с Доцентом, Чахлый быстро сунул револьвер в карман, распахнул водительскую дверь и прыгнул за руль, нервно тыркая ключом в замок зажигания.

Попал. Мотор, как и положено крутой тачке, неслышно завелся с полоборота, стрелки приборов плавно поползли вверх.

– Быстрее, мать вашу! – обернувшись через плечо, злобно крикнул Чахлый.

Его лицо и спина были мокрыми от пота, руки мелко дрожали. Кинув взгляд на рычаг незнакомой автоматической коробки передач, он интуитивно двинул его в положение «драйв» и, как выяснилось, не ошибся. «Тойота» плавно тро-

нулась с места. Противно зашуршали царапающие асфальт каблуками ботинки застрявшего в задней двери лоха.

– Вот падло! – Доцент торопливо нагнулся, схватил ноги мужика, рывком задрал их кверху, громко хлопнув дверью. – Порядок, гони!

Взвизгнув резиной, автомобиль сорвался с места и, обдав грязной водой из лужи ошалело застывшую у тротуара старуху с собачкой, с ревом полетел вперед, к виднеющемуся впереди каналу Грибоедова.

– Ну что я говорил, а?! – радостно орал во все горло Чахлый, судорожно вцепившись в «баранку». – Даже не пикнул, терпила! Посмотрите, что у него в карманах!..

– Э-э, да тут целый капитал! – достав из пиджака валяющегося в ногах мужика бумажник и раскрыв его, присвистнул Бита. – Ни фиги себе! Штука двести баксов и две с половиной штуки в рублях! Плюс телефончик цивильный, «Нокиа»! Во повезло...

– То ли еще будет, – властным тоном непререкаемого «крестного отца» глухо профыркал быстро успокоившийся и уверенно ведущий машину по городу Чахлый. – Не пройдет месяца, и мы будем трахать сучек из «Невского Паласа» в ванне с шампанским, а при одном упоминании нашей команды все остальные быки будут мочиться от страха! Помните мои слова, пацаны...

– Кажется, я придумал, как нам называться! – весело и возбужденно воскликнул Бита, хлопнув себя ладонью по

лбу. – Пионеры! Прикольно, да?!

– А что, ништяк, – довольно гоготнув и тягуче сплюнув на лежащего под ногами пленника, сказал Доцент. – Хорошо запоминается и с понтом. Ты как, Родик?

– В кайф! – кивнул, злодейски ощерившись, Чахлый. – Теперь мы – Пионеры! Скоро о нас узнает весь Питер!

Капитан Дреев теряет друга

Роковой выстрел на секунду очнувшегося, лежащего в жидкой вонючей грязи у подъезда торговца «дурыю» по кличке Гоблин, до сих пор звучал в раскалывающейся от звона в ушах голове капитана.

Все было кончено. После того как яркими желтыми пятнами стали одно за другим вспыхивать окна, выходящие в погруженный в темноту ночи узкий двор-колодец, а надрывный, истерический женский голос пронзительно заверещал, будя тех, кто еще не проснулся: «Убили! Убили!», опер Валера Дреев из питерского УБНОНа понял, что случилось непоправимое. За похищенный у наркоторговцев килограммовый пакет кокаина пришлось заплатить страшную, чудовищную цену – жизнь друга! И он был бессилён повернуть время вспять хотя бы на десять секунд.

От лавиной накатившего ощущения тупой безысходности матерому менту хотелось взвыть в голос. Но даже это уже ничего не меняло. Единственным разумным решением являлось позорное, с едким душком предательства, немедленное отступление с проклятого места. Костю Логинова уже не вернуть, но тот белый яд, ради которого он уговорил друга и коллегу на несанкционированную операцию, необходимо было сохранить. Чтобы очень скоро нанести злейшему врагу сокрушительный ответный удар, после которого он уже не

встанет!..

Замешкавшись всего на секунду, скрипящий зубами от злости и отчаяния капитан отделился от холодной кирпичной стены, за которой лежал убитый Гоблином Костя Логинов. Ничего не видя перед собой, на ватных ногах он шагнул в дрогнувший полумрак, почему-то машинально подумав, что затеряться в этих проходных питерских дворах выросшему в них с детства бывшему веснушчатому повесе будет нетрудно. Но бежать, петляя по лабиринту темных каменных джунглей, далеко не пришлось. Загодя оставленная не запертой машина дожидалась в ближайшем переулке.

Рывком распахнув дверь, Дреев тяжело повалился на продавленное сиденье синей «Сьерры», втокнул ключ в замок зажигания, запустил мотор, сорвался с места, свернул в арку и с визгом буксующих по сырому асфальту «лысых» покрышек вылетел на освещенную длинным рядом фонарей пустынную улицу.

Он мчался вперед, не разбирая дороги, машинально крутя руль, сворачивая с одной улицы на другую, а из его покрасневших глаз, обрамленных густой тенью рано проступивших морщин, одна за другой молча скатывались по щекам совсем некупные мужские слезы.

Иногда Дрееву казалось, что лежащая во внутреннем кармане его куртки увесистая упаковка белого, совершенно чистого и еще не забодяженного мелкими дилерами порошка, стоящая на черном рынке добрую сотню тысяч долларов,

жжет его грудь сильнее засунутого за пазуху куска раскаленного железа.

И за эту погань, необходимую лишь для того, чтобы подставить и упрятать в «торбу» главного питерского наркобосса – нигерийца Лероя, только что убили его лучшего друга, офицера ФСБ Костю Логинова?!

Господи, ну почему ты так несправедлив?! Где твое сто-кратно хваленое обещание, что «каждому воздается по делам его»?! Ах, это только после смерти? Нет уж, Валера Дре-ев увидит дьявольские корчи этого гада собственными глазами!

Так, и только так, а дальше... будь что будет!

Бородатый нотариус жениться не успел

Пост ГИБДД на выезде из города братки проскочили без проблем. Гаишник был занят осмотром литовской фуры и не обратил ни малейшего внимания на прошмыгнувшую мимо чистенькую иномарку с областным номером.

– Знаю я одно подходящее местечко, там болото и такая глушь, что хоть ори, хоть стреляй – один хер, никто не услышит! – сказал Чахлый, прибавляя скорость. – Это недалеко, минут двадцать езды... Однажды я возил туда телку трахать. Поехали к ней на дачу, а там предки, бя... Вот и пришлось свернуть с шоссе и поискать укромное местечко.

– И как, потрахались? – небрежно осведомился Доцент, все чаще поглядывая на начинающего шевелиться и стонать бородача. – Нормалек?

– Если бы! – огрызнулся Чахлый. – Трипак подцепил, потом пришлось жопу под уколы подставлять. А эта блядь, прикинь, пропала с концами... Она в общаге жила, уехала к себе в Иваново, наверно... Слышь, Бита, успокой клиента, задолбало меня его коровье мычание!

– Ща... Сде... – Дважды повторять не требовалось. Нагнувшись, амбал тихонько стукнул пленника по затылку, и тот сразу затих. – Спать, интеллигент... Баю-баюшки-баю!

Вскоре «Тойота» свернула с шоссе и, прыгая на ухабах,

углубилась в лес на добрый километр.

Впереди показалась крохотная полянка с чернеющим пятном кострища и поваленным рядом старым деревом.

Чахлый остановил машину и заглушил движок.

– Вытаскивайте его, а я пока осматрю багажник, – командовал он, покидая тачку. Пока братки производили вынос тела, по стечению обстоятельств – как раз вперед ногами, – Чахлый открыл багажник и обнаружил там эластичный буксировочный трос. – В самый раз! Давайте привязывайте к дереву, поближе во-он к той луже. Она бездонная, там фрэера и утопим... После того как закончится экзекуция.

Через считанные секунды бородач, чудом не потерявший свои съехавшие набок очки, был крепко привязан к шершавому стволу березы.

Доцент набрал в пустую канистру затхлоЙ воды из покрытой пожухлыми листьями воронки и облил ею мужика, приводя того в чувство.

Хлебнув водички, бородач замычал, закашлял, открыл осоловевшие после нокаута глаза и принялся испуганно озирать стоящих напротив пацанов – тех самых, которые сидели за дальним столиком в кафе и вышли незадолго до него самого.

– Ну, тварь, допрыгался?! – прошипел Бита и, подпрыгнув, что есть силы врезал приготовленной к закланию жертве ногой в поддыхало. – На, получи!.. Будешь знать, как честных людей грабить, барыга поганый!

– А это от меня, – стараясь не отставать в крутизне от приятелей, вставил Доцент и, замахнувшись, ударил мужика ладонями по ушам. – Больно, бедненький? Вот и ладушки... Ой, глазки упали! – Бык с хрустом раздавил стопой свалившиеся с носа пленника очки в золотой оправе. – Какая жалость! Но они тебе больше не понадобятся!

Чахлый стоял молча, наблюдая за конвульсиями привязанного к дереву мужика.

– М... ма... мальчики, вы... за что? – кое-как отдышавшись и обретя способность слышать сквозь заполнивший всю черепную коробку адский звон, слабым голосом жалобно завопил пленник. – Вы, наверно, меня с кем-то спутали!.. Господи... Пощадите!

– Дайте ему в рыло еще разок – и пока хватит, – грубо бросил Чахлый. – Начнем разговор по душам...

Вернувшись к открытому багажнику «Тойоты», он достал из него пластмассовый чемоданчик с набором инструментов, выбрал самый тяжелый гаечный ключ и приблизился к бедолаге, не сводя с него испепеляющих ненавистью глаз.

– Сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы, чмо, – закуриив, приказал он, выпуская в белое, как полотно, лицо мужика струю табачного дыма. – Кем работаешь?!

– Я – просто нотариус! Я ни в чем не виноват! – снова запричитал бородач.

– С кем живешь вместе? Жена, дети? – продолжал допрашивать Чахлый, покачивая увесистым баллонным ключом.

Доцент и Бита, пока не врубаясь в смысл задаваемых «пионерским» главарем простых вопросов, нетерпеливо приплясывали рядом, не решаясь вступить.

– Нет... я... живу один, – даже не пытаюсь врать или изворачиваться, покорно проблеял мокрый с головы до ног бедолага. – Ребята... умоляю... скажите... в чем я перед вами провинился?! Если вам нужны деньги, то у меня осталась всего тысяча, она в бумажнике! Я два дня назад купил новую машину, вот эту «Тойоту»...

– Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать! – неожиданно для самого себя вспомнив школьную программу, продекламировал строчку из известной басни Крылова «Волк и Ягненок» ухмыляющийся Доцент.

Он изо всех сил старался казаться таким же безжалостным и твердым, как Чахлый и Бита, но в душе его начинался настоящий шторм.

Одно дело собирать дань с рыночных торговцев, довольствуясь скромным наваром и набивая морды непокорным, бомбить скулящих ларечников и терпеливых, боящихся сказать лишнее слово лохов и совсем другое – ввязываться в открытую мясорубку с закаленными в разборках братками из других группировок, не боясь при этом ни ментов, ни мокрухи. А ведь так оно и будет...

Глядя на избитого, перепачканного в грязи, плачущего мужика, Доцент с ужасом понял, что его нервная система не готова к настоящей бойне. Но отступить было уже поздно,

пацаны этого не поймут и могут кончить, как суку.

Угораздило же ввязаться, едрена вошь!

– Это хорошо, что живешь один, – довольно фыркнул Чахлый. – Завтра суббота, выходной. Значит, дня три-четыре тебя не хватятся и мы сможем вдоволь попользоваться твоей мобилкой и тачкой. А больше нам и не надо...

С этими словами Чахлый вдруг резко выплюнул торчащую изо рта сигарету, а потом два раза наотмашь ударил мужика ключом по голове.

Тот безвольно свис, уронив голову на грудь. Из прикрытых волосами глубоких вмятин на черепе показались багровые сгустки...

– Теперь бейте вы оба, по очереди! – грозно сведя чернявые брови к забрызганной каплями крови переносице, Чахлый протянул орудие убийства стоящему рядом улыбающемуся дебилу Бите. – Выпусти пар, братан!

Тот буквально выхватил ключ из рук главаря и, оглашая окрестности яростными воплями, принялся мутузить несчастного нотариуса, превращая лицо мертвеца в залитую кровью ужасную сюрреалистическую маску. Брызгая по сторонам текущей из приоткрытого рта слюной, белобилетник нанес не меньше двадцати ударов, прежде чем немного успокоился, и, торжествуя взглянув на Доцента, протянул ему густо перепачканную кровью железяку с прилипшими к ней там и сям волосками...

Зажмурив глаза и глубоко вздохнув, Доцент принялся

не глядя наотмашь бить уже давно бездыханного пленника, каждый раз непроизвольно вздрагивая, когда край железяки с глухим чавканьем врезался в труп и на лицо экзекутора тут же падали мелкие теплые капли...

– Хватит, сваливаем! – наконец прозвучало откуда-то издалека. – Ништяк, пацаны!

Закончив скоротечную расправу, тело бородатого жмурика отвязали от дерева и отволокли к заполненной водой яме. Обмыли испачканные кровью лица и кожаные куртки и ногами спихнули труп в воду.

С тихим плеском мертвец навсегда скрылся под колышущимся саваном из тронутой первой изморозью прелой коричнево-желтой листвы.

Следом полетело орудие убийства.

Пионеры начали отсчет своим будущим жертвам...

Ирина Сосновская становится актрисой

– Позавчера днем, – всхлипнула Сосновская, – я поехала в центр пробежаться по бутикам, купить кое-что из косметики и одежды. Зашла в «Картье», приобрела часики, – подняв руку, Ирина продемонстрировала Ворону (тот брезгливо поморщился) надетую на тоненькое запястье изящную ювелирную побрякушку, по цене равную новой иномарке, – а когда вышла и села назад в машину, то обнаружила, что дверь открыта. А на «торпед» у лобового стекла лежит видеодиск, такой, как для компьютера, знаете?!

– Сталкивался, – коротко ответил Ворон. – Что на нем?

– У нас дома есть плеер для лазерных дисков, «DVD», – оповестила Ира. – В Европе такие уже давно, а у нас только появились... – Снова отведя взгляд в сторону, она надолго замолчала, стыдливо уставившись в одну точку. – На диске... настоящий порнофильм! «Русские рабыни» называется! С титрами, музыкой, актерами, все, как положено! Но не зарубежный, а наш, российский! Там... там записано, как я занимаюсь сексом с двумя киднеперами! Вы ведь их помните! – наконец с трудом выдохнула Сосновская, а потом ее голос окончательно сорвался, она беспомощно уткнулась лицом в грудь Ворона и снова расплакалась, судорожно смяв ладонями легкую ткань надетой на нем спортивной куртки.

На этот раз Сергей был готов к такому повороту событий и заранее покрепче вцепился в «баранку».

Он стал копаться в памяти – не было ли кинокамеры на тайной хазе киднеперов, и действительно припомнил – лежала какая-то японская модель на подоконнике, но Северов тогда не обратил на нее никакого внимания, а вот кто-то – видно, из окружения Сосновского – обратил.

Как ни странно, но один из киднеперов, оказывается, едва ли не профессионально занимался видеопорнухой...

– Да уж... – медленно протянул Ворон, нахмутив брови. – Терпеливый деятель. Долго выжидал момента, храня запись. А сейчас, значит, приспичило, целое кино смонтировал... И что требует? Деньги? Сколько?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Вместе с диском было письмо, отпечатанное на принтере. Я должна была посмотреть фильм и ждать телефонного звонка. В письме сообщалось, что фильм еще не растиражирован и не запущен в свободную продажу и я могу выкупить оригинал.

– Уже позвонили?

– Вчера вечером, на мобильный, – кивнула Ира. – Голос хриплый, незнакомый... без кавказского акцента, – почему-то уточнила она. Губы Сосновской и сжимающие сигарету пальцы с длинными ухоженными ногтями мелко дрожали. – Сказал, чтобы я внимательно посмотрела в бардачке моей «Вектры», там должна находиться капсула с каким-то

медпрепаратом.

– Нашла?

– Да. Ее наверняка положили сразу, вместе с диском.

– И каковы условия выкупа?

– Я должна каждый день бросать отцу в напитки, включая алкоголь, по одной из находящихся в капсуле таблеток. Он сказал, что это мгновенно растворяющийся транквилизатор без вкуса и запаха, действующий несколько суток. Вызывает слабость, тошноту и галлюцинации, поднимает температуру... Если отменить прием таблеток, здоровье быстро восстанавливается... Мне кажется, я знаю, зачем кому-то понадобилось, чтобы отец на время потерял способность нормально воспринимать окружающую обстановку! – уже почти полностью придя в себя, добавила Ирина. – На следующей неделе папа должен лететь на Кипр для подписания какого-то сумасшедшего контракта. Детали я, разумеется, не знаю, но на днях отец случайно обмолвился, что, мол, если выгорит вариант, он может спокойно завязывать с делами и уезжать жить в соломенное бунгало на Гавайи. – Ирина грустно улыбнулась. – Конечно, он ни за что не решится на такой реверанс, но после этих слов стало понятно, что речь идет об огромной сумме... Ему хотят помешать, выбить из колеи и перехватить контракт.

– Ясно, – бросил, нахмурившись, Северов. Ситуация с шантажом вроде бы окончательно вырисовывалась. Оставались лишь последние штрихи. – Значит, если ты не сделаешь,

как они требуют, то порнофильм с твоим участием начнет победное шествие не только по Питеру, но и по всем необъятным просторам Отечества... Включая и офис кипрских компаньонов честнейшего российского коммерсанта Михаила Сосновского. С соответствующими комментариями... А греки, как прочий цивилизный деловой мир, весьма щепетильны к репутации своих деловых партнеров...

– И еще меня предупредили – в службе безопасности моего отца, среди приближенных Чиркова, у них есть свой человек, и, если я сообщу Палычу, как я зову Чиркова, о шантаже, они сразу об этом узнают, и у них останется только один выход – отца убьют, а меня... растиражируют.

Ворон в который раз покосился на прислонившегося к гранитному ограждению реки чуть поодаль невысокого парня в кожанке и черной вязаной шапочке.

– Вы поможете мне еще раз? Умоляю! – снова, уже почти истерическим тоном, спросила Ира. – У меня есть деньги. Только назовите свою цену!

– У тебя столько нет, – после паузы, разбавляемой тихим плеском разбивающейся о гранит воды, криками реющих над Невой чаек и окутывающим со всех сторон ровным гулом большого города, улыбнулся Северов. – Короче... Я хочу посмотреть на таблетки, прокрутить фильм и узнать все про окружение твоего отца.

Девушка молча протянула ему извлеченные из внутреннего кармана плаща диск и капсулу.

Повертев их в руках, Северов убрал вещдоки в бардачок.

– А теперь напряги память, ибо сейчас мы начнем плотный допрос с пристрастием...

Через четверть часа Ворон услышал все, что хотел, а точнее – что смог вытянуть из Ирины. Теперь он не сомневался, что против олигарха действовала какая-то очень серьезная команда, а не просто группа мелких вымогателей.

– Прямой опасности ни для тебя, ни для твоего отца я не вижу, – как можно безмятежнее сказал Северов. – Как только у меня будет информация, я сброшу сообщение по Интернету. В любом случае я скажу, как действовать дальше...

Секьюрити теряет равновесие

Пионеры вломились в административный модуль Северного рынка по-хозяйски, пинком открыв входную дверь и оказавшись в небольшом, украшенном искусственной зеленью помещении.

Охранник в камуфляже – крепкий скуластый мужик с тронутыми сединой волосами – немедленно бросил глянцевый журнал на стеклянный столик у окна.

Он вскочил со стоящего у лестницы кресла и, выхватив из-за пояса резиновую дубинку, решительно двинулся на трех незваных гостей, кои физиономии даже при мимолетном взгляде наверняка вызывали у случайного ночного прохожего желание перейти на другую сторону улицы, а еще лучше – броситься наутек с истошными криками о помощи.

– Приема нет! – грозно заявил охранник, профессионально оценивая расклад сил и возможные мотивы появления стоящих перед ним наглых типов в модуле администрации, где размещалась бухгалтерия, служебное помещение для охраны, хозяйственный отдел, кабинет директора и комната для деловых переговоров, чаще используемая для банальной коллективной пьянки шефа и его челяди.

– Главный у себя? – проигнорировав лай охранника и указав рукой с зажатым в ней крохотным мобильником – новым, купленным утром в компании «Дельта» уже за «свои» день-

ги – на лестницу, с добродушным лицом спросил Чахлый.

За его спиной маячила звериная красная рожа Биты, а рядом, по-блатному крутя ключи на длинной цепочке, нетерпеливо покачивался на носках пижонски одетый Доцент.

– Я же русским языком сказал, приема нет! – стоял на своем «страж ворот», недвусмысленно похлопывая по свободной ладони двуручным полицейским дубином.

Час назад, как и каждое воскресенье в конце короткого торгового дня, когда происходил подсчет прибыли, он получил строгий приказ начальства никого не пропускать и, судя по надменному выражению лица, готов был лечь костыми, но не дать пройти посторонним в рыночное святилище – на второй этаж модуля.

– Завтра приходите, после одиннадцати... Здесь, – камуфляжник кивнул на пустой стол справа от лестницы, – будет секретарь, с ней и договоритесь о приеме. Если директор сочтет ваш визит полезным, тогда, возможно, примет. А сейчас попрошу вас покинуть помещение! – И охранник ткнул дубинкой в сторону входной двери, сделав шаг вперед.

– Как скажешь... друг... как скажешь! – миролюбиво улыбнувшись, сокрушенно пожал плечами Чахлый и незаметно толкнул стоящего за спиной Биту локтем.

А потом демонстративно повернулся к секьюрити спиной и вдруг, с разворота, нанес ему, расслабившемуся на долю секунды, сначала сокрушительный удар кулаком в лицо, а потом, почти без паузы, – коленом в пах.

Последний, завершающий, удар двумя сцепленными в замок руками по шее принадлежал уже подскочившему сади-сту Бите.

Протяжно захрипев и выронив покотившуюся по полу дубинку, камуфляжник тяжело рухнул сначала на колени, а потом на бок, беспомощно суча ногами и по-жабьи выпучив широко открытые глаза.

Из сломанного носа охранника на пол вытекла тягучая кровавая сопля...

– Для нас, падло, эти двери всегда открыты! – сплюнув через щербину в зубах прямо на секьюрити, грозно процедил вынужденный держать марку лютого злодея Доцент. – Запомни нас хорошенько, пес поганый, и больше ни с кем и никогда не путай! Теперь мы с тобой будем ча-асто встречаться!..

– Лежи смирно и не рыпайся, дернешься – кончу враз! – сухо предупредил хрипящего, конвульсивно вздрагивающего охранника Чахлый и, кивнув остальным, первым стал уверенно подниматься по лестнице.

Бита, не удержавшись от соблазна, дважды пнул лежащего мужика ногой в живот и, широко расставив руки, словно выронивший арбузы культурист, бодро последовал за главарем, перепрыгивая через две ступеньки.

Доцент, чей суетливый взгляд был незаметен под темными стеклами круглых очков, не спеша побрел следом, продолжая крутить ключи на цепочке...

Лестница, состоящая из двух пролетов, заканчивалась алюминиево-стеклянной дверью, которая, так же как и входная, оказалась не запертой.

Толкнув ее, Пионеры оказались на втором этаже.

У прикрытого вертикальными жалюзи большого окна стояла хромированная пепельница с окурками, под потолком тихо гудела лампа дневного света и вентиляция, а в воздухе застыл характерный для офисных помещений запах табака, синтетических ковровых покрытий, чистой бумаги, парфюмерии и свежесваренного кофе.

В холл выходило всего три белые двери, на каждой из них имелась медная табличка, так что ошибиться было невозможно.

– Значит, здесь, – пробормотал Чахлый, указывая пацанам на самую дальнюю дверь с табличкой «Администрация», из-за которой отчетливо слышались приглушенные голоса и популярная в последние месяцы, усиленно раскручиваемая всеми питерскими радиостанциями мелодичная песенка про чудака, видимо от ширева тронувшегося головой и почему-то вдруг возжелавшего «стать снегом».

Услышав порядком задолбавшую мелодию, Доцент скорчил рожу и тихо пропел, коверкая набившие оскомину слова:

– А мне бы героином стать, белым, белым, белым, словно снег...

– Заткнись, ты! – цыкнул лидер Пионеров, толкнув Доцента кулаком в плечо.

Хотя Чахлый и нацепил на себя маску хладнокровного головореза, было заметно, что он волнуется.

– Значит, так, пацаны, сначала базарим с барыгой без хамства, дальше посмотрим... Будет бакланить, встанет в позу, тогда начнем грузить по полной программе! – изложил он на правах главаря тактику предстоящих терок с директором небольшого, но расположенного в самой гуще престижных новостроек, а следовательно, приносящего солидный доход нового продуктово-вещевого рынка из трех десятков модных торговых модулей.

Предстоящая беседа, впрочем, не выглядела слишком сложной по содержанию, но она могла иметь куда более серьезные последствия, чем вчерашне-позавчерашняя удачная прикрутка трех мелких фирмочек, после гибели Кая на время оказавшихся без «крыши». Их владельцы, навидавшиеся уже всякого, без эксцессов, прямо-таки философски восприняли визит новой братвы, обозначившей себя преемниками империи Кая. Какая коммерцам, к ебням, разница, кому максать – лишь бы бизнес мутить не мешали...

Так что почин удался, по оставленному барыгам номеру мобилы никто из конкурентов не звонил, и никаких стычек не ожидалось.

Однако Северный рынок был первым неприятельским бастионом, который предстояло взять жаждающим признания у братвы Пионерам. Дело в том, что еще неделю назад его хозяин, некто господин Гордеев, находился под «крышей»

злейшего врага их тогдашнего босса Кая – Алтайца, регулярно отстегивая профсоюзные взносы в общак его группировки...

– Пошли! – словно прыгая со скалы в бушующий океан, выдохнул Чахлый и опустил ладонь на медную дверную ручку, поворачивая ее вниз и широко распахивая дверь в кабинет директора рынка.

Менделеев-младший принимает заказ Тимофея

Заказ Ирины Сосновской не вызвал у Сергея привычного энтузиазма, сопряженного с желанием мочить всякую бандитскую масть без разбора. И действительно, натянув личину Ворона для того, чтобы очистить город от вконец оборзевшей братвы и защитить обманутых и обездоленных, он почему-то теперь должен встать на страже интересов олигарха Сосновского, контролирующего половину Питера, включая городские спецслужбы.

У самого этого миллиардера была целая армия охранников, способная взять штурмом и Зимний, и Смольный, возглавлял которую бывший генерал «Конторы глубокого бурения» Феликс Павлович Чирков.

Свое негативное отношение к олигарху Ворон переносил и на его непутевую дочь. Девица, конечно, как-то выручила его, но и Северов дважды спас ей жизнь – так что они как минимум квиты.

А в последний раз именно из-за нее Сергей не только попал в больницу и едва не погиб, но и потерял чек на поллимона баксов, ствол, удостоверение частного детектива, а также не имеющую цены бронированную тачку с форсированным движком.

Но главное – в результате он оказался полностью демас-

кирован. Увы, теперь для «конторы» более не существует абстрактного Ворона, а есть вполне конкретный объект, с личным досье и со всеми, так сказать, вытекающими зацепками.

По идее, опалившемуся киллеру следовало немедленно лечь на дно хотя бы на несколько месяцев, но тут вдруг на перекрестке появляется женская фигура в красном плаще и взывает о помощи...

И несчастный вид девушки взял-таки верх над соображениями о собственной безопасности.

Но чем дольше думал Ворон об этом деле, тем больше склонялся к выводу, что раскрутить всю цепочку и выйти на конкретных исполнителей и заказчиков шантажа ему будет чрезвычайно сложно, особенно если иметь в виду его нынешнее положение.

Значит, Ирине, несмотря на предостережения шантажистов, придется-таки обо всем рассказать Чиркову. К сожалению, в создавшихся условиях нет иного выхода.

Самому шефу секьюрити надо будет врубить на всю мощь маховик жесткого расследования и позаботиться о сохранности вверенных ему тел по давно отработанной схеме.

Однако Сергею Северову вполне по силам – в качестве благодарности за ценную информацию Ирины – безвозмездно подкинуть волкодаву Чиркову точку отсчета. Пожалуй, так будет правильно...

Остановив «Субару» в ближайшем промежутке между забрызганными уличной грязью автомобилями, Северов заглу-

шил мотор, достал из кармана сотовый телефон и набрал номер доверенного человека в некогда сугубо оборонном НИИ с нейтральным названием «Невбиофарм», уже неоднократно выполнявшего конфиденциальные поручения щедрого клиента и регулярно снабжавшего его самыми разными мелочами, начиная от ультраконцентрированной серной кислоты и заканчивая порошком магния.

– Алло, будьте добры попросить заведующего лабораторией Рутковского, – сказал Ворон, чуть изменив голос. – Передайте, это его друг из Москвы... он поймет, да...

Через долгую минуту в шипящей и хрипящей трубке слышался высокий голос завлаба:

– Да-а?

– Привет, Менделеев-младший. Это Тимофей, – бодро представился Северов. – Как твое ничего? Как грызется гранит науки?

– Да какая там наука, к гребаной матери!.. – беззлобно выругался Рутковский. – Зарплату снова на две недели задержали, сволочи.

Ученый замолчал, вне всякого сомнения ожидая очередного заказа. Частный сыщик по имени Тимофей никогда не звонил ему просто так, поточить лясы. Каждое его появление было для изнывающего от хронического безденежья отца семейства самым настоящим маленьким праздником.

– У меня к тебе халтура, Менделеев, баксов типа на сто, – слегка развязным тоном, обычным для такого контакта, со-

общил Ворон. – Нужно проверить назначение одной таблеточки, предположительно транквилизатора, и выдать по ней подробное резюме. Организуешь в темпе, а?

– Для хорошего человека – всегда пожалуйста, – без запинки отчеканил ученый муж. – Подъезжай к проходной, оставь «колесо» на вахте, я спущусь, заберу. Когда будешь?

– Через пятнадцать минут, я тут рядом. Ты долго будешь колдовать? А то у меня, понимаешь, запарка... Дело не терпит, и баксы горят синим пламенем!

– Трудно сказать, смотря какую хренотень ты мне подбросишь на сей раз, – уклончиво ответил Рутковский, наученный предшествующим весьма разнообразным опытом совместного бизнеса с сыщиком. – Звони ближе к вечеру, не ошибешься... Ну давай, тут ко мне пришли, – скороговоркой бросил сотрудник института, и в трубке раздались прерывистые гудки.

«Вот и ладушки, – подумал Северов, закуривая сигарету и поглядывая на часы. – Посмотрим, что за приправу приготовили враги для нейтрализации батьки Сосновского».

Секретный институт, некогда финансируемый по высшей категории, а сейчас едва сводящий концы с концами, располагался в трех кварталах от места, где стояла машина Сергея.

Северов перешел дорогу, купил в газетном киоске конверт без марки, положил в него одну таблетку из капсулы, стодолларовую купюру, заклеил и уже в таком виде десятью минутами позже сунул в окошко похмельного вида пожило-

му усатому вахтеру в синей вохровской униформе.

Кивнув, угрюмый старик лениво бросил конверт на стол рядом с остывающим в подстаканнике чаем и завернутыми в прозрачный целлофан бутербродами с колбасой.

– Передам, не волнуйтесь... – пробормотал вохровец, поворачиваясь спиной.

Покинув проходную, Сергей прошелся вдоль улицы, сел на скамейку в раскинувшемся рядом парке Челюскинцев под зеленой кроной выстроившихся рядком старых тополей и снова достал телефон.

Директор рынка отказался выпить по рюмочке

В не слишком просторном, но зато со вкусом обставленном дорогой мебелью, декорированном икебаной в китайской напольной вазе и картиной в стиле офисного авангарда кабинете находились двое – лысоватый толстенький мужчина лет сорока пяти, с маленьким вздернутым шнобелем, в расстегнутом сером костюме, отдаленно смахивающий на артиста Де Вито, и высокая, необыкновенно худая, а оттого похожая на вяленую воблу дама в красном деловом костюме: юбка-пиджак, с короткой, почти под ежик, стрижкой платиновых волос и в нацепленных на длинный острый нос больших очках с дымчатыми стеклами. Тонкие, как у скелета, но обтянутые загоревшей явно на тропических югах кожей пальцы дамочки были сплошь унижены кольцами из золота со сверкающими камнями, среди которых особо выделялся алый, чистой воды рубин.

На черном столе, за которым сидела эта колоритная парочка, россыпью и уже аккуратно сложенными и перетянутыми резинками пачками лежали деньги, преимущественно в долларах, хотя попадались и российские рубли.

Денег было так много, что взгляды Чахлового и шагнувших вслед за ним поделщиков, мельком облизав лица присутствующих, тут же прилипли к заветным шуршащим бумаж-

кам, наличие которых являлось единственным пропуском в рай уже на земле.

Удивленный и рассерженный внезапным вторжением в самый неподходящий момент подсчета полученных за неделю барышей, директор Северного рынка господин Гордеев – а это был именно он – сначала застыл, втянув голову в плечи и испуганно уставившись на вломившихся незнакомцев откровенно бандитского вида, а потом, видимо вспомнив, что является важной фигурой, рывком поднялся из-за стола и, выпятив округлое пузо, своеобразно заменяющее крепкую богатырскую грудь, гневно возопил, указав визитерам пальцем на дверь:

– Кто?! Кто такие?! Что вам здесь надо?! Убирайтесь! – проглатывая буквы, скороговоркой выплюнул директор, наливаясь краской. – Я же приказал никого не пускать! Охрана, мать-перемать!..

Дама в очках – главный бухгалтер, – едва завидев неожиданных гостей, чей внешний облик не предвещал ничего хорошего, в порыве понятных в возникшей ситуации чувств поспешила накрыть рассыпанные по столу и собранные в пачки денежки руками, но нечаянно смахнула часть из них на пол, где они сейчас и лежали, слегка трепыхаясь от ворвавшегося из коридора сквозняка.

– Успокойтесь, Юрий Самсоныч, что вы, право слово! – поморщившись, словно от зубной боли, с милейшей улыбкой спокойно сказал Чахлый. – Поберегите сердце, я знаю, у вас

оно и так пошаливает. А за борова своего не беспокойтесь – он хоть и упрямый, но до сих пор живой. Давайте лучше поговорим о делах...

Оглядевшись, Чахлый пододвинул к себе стул, стоящий у стены, и, повернув его спинкой вперед, широко расставив ноги, уселся, продолжая строить из себя добряка и даже подмигнув торопливо собирающей с пола купюры относительно симпатичной бухгалтерше.

Двое других быков, подперев спинами входную дверь, молча изучали кабинет, преимущественно сосредоточив свое внимание на куче бабок.

– Вот падло, я же сказал ему – никого наверх не пускать! – злобно вымолвил Гордеев и, в темпе сообразив, что от троицы жлобливых мордovorотов так просто не избавиться, устало повалился обратно в кресло. – Парни, вы кто?! В смысле... от кого и зачем? У меня уже есть «крыша». Если хотите забить стрелку – милости просим позвонить по этому номеру, там вам популярно объяснят, что вы забрели на чужую территорию!

Наклонившись вперед, директор выудил из подставочки отрывного календаря, где было напихано множество всяких бумажек, полиграфически выполненную черную визитную карточку, на которой имелся только номер телефона, тисненый золотыми буквами, и изображение пиковой масти в левом верхнем углу, и бросил ее перед Чахлым.

Тот, не отрывая ласковых глаз прирожденного убийцы от

лихорадочно бегающих, суетливых зенок коммерсанта, накрыл карточку огромной волосатой рукой, перевернул, как игрок в домино, на секунду опустил очи долу, а потом прямым скольжением отправил назад и снова уставился на хозяина рынка – на сей раз лукаво и торжествующе.

– Юрий Самсоныч, дорогой, этот телефон можете со спокойной душой слить в сортир, никто вас за такое кощунство теперь не осудит! – вздохнул Чахлый, положив мобильник на стол. – По нему теперь если и ответят, так только рогатые и кривоногие твари из преисподней!

– Как?! – вылупился, делая вид, что удивлен, господин Гордеев. – Это почему?!

– Потому, уважаемый Юрий Самсоныч, что Алтаец и его корешок Скелет покинули этот суетный мир и отправились туда, где не берет ни один мобильник в мире. Но особо не расстраивайтесь – с этой минуты вы находитесь под защитой Пионеров, а мы – люди серьезные, и, случись какая херня – обидит вас кто или, скажем, машину вашу красивую, «Торус», случайно на дороге поцарапают, – любому горло перегрызем! К сожалению, мои визитные карточки в очередной раз закончились, завтра я получу новую партию, а покамест можете просто записать номерок моей трубы. А он очень простой... – И Чахлый продиктовал номер только что приобретенного на имя парализованной и глухой бабки Доктора сотового телефона. Видя, что Гордеев даже не шелохнулся, продолжая сидеть за столом со сложенными на груди

руками, укоризненно поднял брови и спросил: – Юрий Самсоныч, вы, кажется, меня не поняли?! Тогда повторю еще раз, специально для тех, до кого доходит так же медленно, как до жирафа: отныне ваша заботливая «крыша» – мы, Пионеры... Если мне не изменяет память, сегодня как раз первое число – время платить!

– Послушайте, это же бред какой-то! – попытался возразить Гордеев, скривив лицо. – Только поймите меня правильно! Насколько мне известно, Алтаец уже давно то ли застрелен, то ли уехал в Южную Америку, точно не знает никто. И если с Русланом... то есть Скелетом, случилось несчастье, это еще не означает, что я должен платить другой братве! У нас с его ребятами уже много лет тесные деловые отношения. Еще по моему прошлому месту службы, в Гатчинской мэрии, я помогал им чем мог, а они не раз помогали мне, защищая от всяких залетных беспредельщиков... – Директор рынка машинально хотел добавить «вроде вас», но вовремя прикусил язык и сдержался. – Поэтому я не уверен, что их «семья» просто так согласится меня отпустить!

– Предоставьте этот вопрос нам, мы его уладим в два счета, – ухмыльнулся Чахлый, обернувшись через плечо и найдя мимическую поддержку Доцента и Биты. – Забудьте о Скелете, лучше давайте по старой русской традиции познакомимся и выпьем по рюмочке. Это – Саша, – кивнув на поигрывающего цепочкой Доцента, представил поделщика главный «пионер», – а вот этого отличного парня зовут Фе-

дор! А я – Чахлый...

– Вот что, парни, – надув губы и набычившись, покачал наполовину плешивой головой Гордеев. – Сейчас не девяносто первый год, дикое поле кончилось! Мне проблемы из-за вас иметь ни к чему! Я понятия и «закон» знаю, так-то! Не зря при краснопузых три года на нарах чалился и баланду хавал! – Набрав полные легкие воздуха, хозяин рынка решился и произнес главное: – До тех пор, пока я не получу точную информацию от пацанов Скелета, подтверждающую отказ от их доли с рынка, вы не получите ни копейки!!!

Чахлый нахмурился.

Где-то за дверью кабинета послышался топот ног, кто-то схватился за ручку и распахнул дверь. Кажется, это был охранник – в проеме ненадолго мелькнул зеленый камуфляж и перепачканная кровавыми соплями физиономия, но Чахлый не успел хорошенько рассмотреть ее. Недобро прорычав, то ли истосковавшийся по расправе, то ли до глубины души оскорбленный дерзким заявлением коммерсанта двухметровый дебил Бита развернулся и без лишних предисловий со всего плеча врезал неосмотрительно сунувшемуся за дверь мужику кулаком в табло, отчего тот сначала взлетел над полом, на миг почувствовав себя космонавтом, а затем, совершив в воздухе нечто отдаленно напоминающее салто-мортале, свиражировал к противоположной стене модуля, ударился затылком о подоконник, грузно сполз вниз и затих, свесив голову набок и приоткрыв рот...

– Очень жаль, что вы не захотели начать наше знакомство по-хорошему, – цокнул языком, вставая со стула, Чахлый. – Я не думал, что вы такой глупый и жадный, Юрий Самсоныч. Что ж, на первый раз придется вас немного наказать за длинный язык и непонимание текущего момента... Кстати, в каких отношениях вы с этой очаровательной дамой? – Чахлый вежливо улыбнулся, поймав безумно испуганный взгляд бухгалтерши. – Трахаете ее наверняка в свободное от работы время прямо на этом самом столе... и в ротик, и вообще...

– А вам какое дело?! – не унимался Гордеев, видимо, еще свято веря в правильность своей политики. – Убирайтесь! Иначе я сейчас нажму сигнал тревоги – кнопка у меня под столом, – и через минуту вам не поздоровится, ясно?!

– Да мне в принципе никаких дел до ваших блядских отношений нет. Хоть сношайтесь, хоть на голове стойте, хоть жопой ежиков давите, – скривил губы Чахлый, – только имейте в виду – если сделаете хоть одну глупость, она умрет первой...

Женщина, тихо вскрикнув, поджала униженный колечка-ми кулачок ко рту, затрепетав, словно перезрелая, но еще вполне подходящая для гербария, красивая полевая ромашка от внезапного порыва холодного осеннего ветра.

– А потом мы будем лечить вас от геморроя, засунув в задницу раскаленный паяльник, – утомительным голосом продолжал Чахлый. – Я, между прочим, очень уважаю старые, проверенные методы. Разговоры хороши только для тех, кто

их ценит, а не прет, как упрямый баран, пытающийся пробить лбом кирпичную стену! Впрочем, у вас еще есть время исправиться, ведь не позднее чем через месяц мы увидимся снова... Правда, куколка? – весело подмигнул враз потерявшей весь бронзовый загар бухгалтерше Чахлый. – А сейчас, милая, будьте так любезны, возьмите во-он тот полиэтиленовый пакет, который лежит на подоконнике рядом с электрочайником, и сложите в него все деньги со стола...

– Не да-а-ам! – Обуянный жадностью, директор рынка снова вскочил со стула, но, увидев внезапно появившийся в руке Чахлого револьвер, сначала застыл в позе соляного столба, а потом, подобно мороженому в жару, медленно стек обратно в кресло, глухо проскулив всего одно слово: – Сволочи...

– Надо было за базаром следить, дядя, теперь поздно хавальником стрекотать! – впервые подал голос амбал Бита, желая продемонстрировать и свое умение вести «переговоры» с барыгами. – Эй ты, соска пенсионного возраста, сколько здесь бабок?! Ты что, в уши тоже долбишься, падло?! Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Двадцать семь тысяч долларов, пятьсот финских марок и около... ста тысяч рублей. Мы еще не закончили считать, – моментально съжившись под подавляющим волю взглядом, честно ответила дамочка.

– Дура! Только языком и можешь работать, помело! – взвизгнул из-за стола Гордеев, исподлобья поглядывая на

Доцента, по молчаливой команде Чахлого принявшегося, как снегоуборочный комбайн, смахивать добычу в пакет.

Вся процедура экспроприации буржуйских денег заняла не больше десяти секунд.

– Будем считать, Юрий Самсоныч, что штраф за гнилой базар и положенную долю вы нам заплатили. – Подняв с ковра завалившуюся под стул пятидесятирублевку, Чахлый вытряхнул из лежащей у настольного календаря пачки «Мальборо-медиум» сигарету, бросил ее в рот и, воспользовавшись зажигалкой Гордеева, поджег купюру, тут же запыхавшую причудливым разноцветным огнем. – Ровно через месяц, если все будет нормально, мы пришлем человека за новой долей... Сколько вы отстегивали Алтайцу?

– Десять кусков! – более не желая возникать, обреченно хрюкнул директор. – Баксов!

– Мы будем брать с вас меньше на целый доллар, уважаемый Юрий Самсоныч, – ухмыльнулся Чахлый, прикурив от купюры и бросив ее догорать в стеклянную пепельницу. – И не надо держать на нас обиду – вы сами не захотели выпить с нами, так зачем теперь сокрушаться? Если будут проблемы – не стесняйтесь, звоните... Уверяю вас, в вашей жизни и бизнесе ровным счетом ничего не изменилось! Продиктовать вам еще раз номер моей трубы?

– Спасибо, я запомнил, – глухо вякнул коммерсант. – Значит, вы – Пионеры?..

– Да, мы – Пионеры, – ответил Чахлый, выходя из каби-

нета через услужливо открытую удачно подыгрывающим в спектакле Битой дверь. Остановившись на пороге, главарь некоторое время молча смотрел на безуспешно пытающегося подняться на карачки, измазанного кровью охранника, а потом обернулся к Гордееву и сказал: – И знаете что – увольте этого тупого костолома к чертовой матери. За те же деньги я дам вам толковых пацанов, с которыми вы будете в полной безопасности круглые сутки!

Покидая административный модуль Северного рынка с первой серьезной добычей, лишь Доцент не испытывал такого оголтелого восторга, как исполнительный и тупой «белобилетник» Бита или твердящий о необходимости немедленной покупки быстроходного джипа, автоматического оружия и боеприпасов Чахлый, глаза которого блестели, как два догорающих в костре желтых угля.

Дорожка, на которую вступила их малочисленная команда, вела только в двух направлениях – или грудь в крестах, или голова в кустах. Третьего просто не дано. Разъяренные лобовым наездом братишки не заставят себя долго ждать!

При мысли о скорой стрелке с прошедшими огонь и воду боевиками спина Доцента покрывалась отвратительным липким потом. Но сознаваться в своем страхе перед подельниками он не стал бы ни за что на свете.

Часть вторая

Приключения

пластического хирурга

Ворон снова хочет стать невидимкой

Когда тебя уже ищут или, получив в ближайшие часы снимки, начнут искать все менты, гаишники и погранцы Питера и области, терять драгоценное время неразумно.

Дни в реанимационной палате больницы и первое после «смерти» тесное общение с бывшим коллегой окончательно убедили Ворона в том, что грим и цветные контактные линзы хороши лишь в том случае, если твое реальное лицо не фигурирует в сводках МВД и ФСБ, а нанесенный на руки вместо перчаток защитный силиконовый состав помогает только тогда, когда хозяин самого тела в состоянии контролировать свои действия...

Короче, нужно было как можно скорее связаться с пластическим хирургом.

Во время их последней встречи в ответ на весьма конкретный вопрос о перспективах нейтрализации отпечатков эскулап долго объяснял подозрительному пациенту всю пагубность подобной операции.

Настало время снова нанести доку визит и задать тот же самый вопрос – можно ли изменить рисунок данных тебе от рождения единственных и неповторимых линий? В нашу эру компьютеров и высоких технологий все меняется в считанные месяцы.

Однако, набрав номер частной клиники профессора Романова, Сергей неожиданно услышал трагическое известие:

– Извините, но Эдуард Владимирович умер, уже девять месяцев назад...

– Простите, не знал, – глухим голосом пробормотал Северов. – Как это произошло?!

– Несчастный случай, – печально вздохнула с той стороны дамочка. – Во время управления автомобилем, в Сочи, у профессора случился сердечный приступ, и он попал в аварию. А вы, простите, его знакомый?

– Скорее – пациент. – Ненадолго задумавшись, Северов решил на более открытый диалог с секретарем. – Понимаете, профессор делал мне операцию по коррекции лица... Сперва все было отлично, но неожиданно, увы, появились серьезные проблемы, которые требуют безотлагательного решения. Но после новости, которую вы сейчас сообщили...

– Все можно устроить, уверяю вас! – воскликнула девушка. – Вместо Эдуарда Владимировича у нас сейчас практикует его коллега, доктор Блох! Давайте я вас запишу на прием в любое удобное время? Поверьте, он не меньший волшебник, чем был наш профессор! После его смерти он принял

клинику и провел уже более тридцати операций. Результаты, скажу вам честно, просто потрясающие!

– Как вы сказали, Блох? – слегка озадаченно уточнил Ворон. – Никогда о нем не слышал...

– Раньше он на протяжении двух лет регулярно ассистировал профессору, так что вы наверняка его видели, – напирала секретарь, чувствуя явные сомнения клиента. – Знаете, давайте я все-таки запишу вас на...

– Спасибо, но я хотел бы для начала лично переговорить с доком. Дело в том, что я – достаточно известный в обществе человек, политик, депутат от нашего города в Государственной думе. Уверен, даже вы хорошо меня знаете. И я бы не хотел афишировать... гм... свои маленькие проблемы, вы меня понимаете?

– Да-да, не волнуйтесь!

– Тем более скоро выборы, а конкурентам только дай малейший повод – раздуют из мухи слона, – с печалью и подчеркнутой злостью в голосе продолжил Ворон. – Поэтому я бы не хотел, как остальные, лично наносить визит.

– Хорошо, подождите секундочку у телефона, я попробую пригласить доктора. Он сейчас как раз беседует с новой пациенткой. Между прочим, – шепотом старой приятельницы сообщила дамочка, – тоже весьма популярная личность! Но уже из мира шоу-бизнеса... Так вы подождете?

– Конечно. С меня любые духи, какие вы назовете, красавица, – ввернул нужную фразу Северов и, услышав обычное

в таких случаях «ну вообще это лишнее», принялся ждать, когда к трубке подойдет эскулап.

– Слушаю вас, господин... э-э, – после чересчур долгого молчания послышался солидный баритон хирурга. Секретарша не обманула – его голос сразу показался Ворону знакомым. Значит, Блох – именно тот молчаливый бледный парень лет тридцати пяти, который некогда уже помогал профессору лепить его новое, теперь уже непоправимо засвеченное лицо. – Чем могу быть полезен?

– Я – давний клиент вашего покойного коллеги, док. Особый клиент, – сделал четкое ударение на первом слове Северов и выдержал секундную паузу. – Однажды мы с вами уже пересекались...

– Я понимаю, – мягко ответил Блох. – Вы, видимо, хотите провести со мной личную встречу вне этих стен? – быстро улавливал тему преемник.

– И, если возможно, уже сегодня вечером. Часов в девять. Буду очень признателен...

– Пожалуй, в девять подходит. Может, в ресторане «Астория»? – Почувяв отчетливый запах денег, хитрый лепила откровенно набивался на халявный ужин. – Очень уютное местечко, и никто не помешает.

– Забили, док. Подъезжайте прямо к ресторану, скажите официанту ваше имя, он проводит к столику, – заключил Ворон.

– До свидания, – пробормотал явно довольный появлени-

ем нового клиента скульптор по человеческому телу. Он уже не сомневался, что попал на настоящий Клондайк.

...Когда некто хочет купить себе другое лицо, выдвинув лишь одно условие – полную анонимность, для пластического хирурга это настоящий подарок. А то, что спрос на тайную коррекцию внешности обеспечивают клинике почти исключительно клиенты, усиленно скрывающиеся от закона, зело охочих до баксов Пигмалионов не колбасило вообще.

Деньги не пахнут, сказал однажды римский император, введя налог на общественные туалеты, и, судя по реалиям дня сегодняшнего, мир с той поры нисколько не изменился...

Северов убрал мобильник в карман спортивного покроя куртки и, по привычке оглядевшись по сторонам, направился к автомобилю.

Генерал Корнач излагает свой замысел

Встреча со «своим» человеком из ГРУ – несмотря на творящийся в стране вот уже десять лет информационный бардак до сих пор самой закрытой от посторонних глаз отечественной спецслужбы – состоялась на конспиративной квартире Северо-Западного УФСБ в Веселом Поселке уже через два часа после того, как стало окончательно ясно, что в расставленную ловушку в квартире убитого капитана Ворон так и не попал.

То ли интуиция осторожного хищника-одиночки помогла ему почуять засаду, то ли бывший командир СОБРа, изначально ни на йоту не доверяя Логинову, сумел-таки, затаившись в точке наблюдения с раннего утра, безошибочно распознать в поочередно прошмыгнувших в подъезд широкоплечих, коротко стриженных парнях, особым рейсом прилетевших из далекого мурманского ОМОНа, пожаловавших по его грешную душу спецов...

Так или иначе, но единственный за все время федерального розыска реальный шанс взять киллера живым завершился полным провалом.

Не мешкая, Корнач связался по телефону с ожидающим результатов операции полковником ГРУ, инструктором учебного центра подготовки диверсантов в Приозерске, и, с

ходу сообщив неприятную новость, предложил встретиться для обсуждения плана дальнейших мероприятий...

Во второй раз разлив по бокалам хороший заморский коньяк, генерал Корнач поставил матовую зеленую бутылку на стол, вынул изо рта дымящуюся сигарету, аккуратно положил ее на край пепельницы и вопросительно взглянул на сидящего напротив полковника Гайтанова – по обыкновению одетого в качественные, но неброские шмотки высокого жилистого мужчину лет сорока с небольшим, с подвижными голубыми глазами, тяжелыми надбровными дугами и прямыми, заметно поредевшими у лба русыми волосами, как всегда – аккуратно причесанными.

Если сравнивать с устоявшимися «актерскими» типажамми, внешне полковника можно было принять за коммерсанта средней руки, основательного семейного человека, трудягу с некоторой творческой искоркой, лишённого ветра в голове и присущей хлипким интеллигентам романтики. Несмотря на более молодой возраст, непрестижно выглядевшую должность инструктора и отсутствие на плечах вождельных для каждого честолюбивого офицера погон без про света, в своей секретной армейской структуре полковник Гайтанов обладал куда большими возможностями и полномочиями, чем сам Корнач – в ФСБ. Несколько лет назад они впервые познакомились по служебной линии и с тех пор стали некой отдаленной аналогией приятелей. Именно с этим полковником договорился Корнач, что в случае удачного ис-

хода операции по задержанию киллера Гайтанов предложит пленнику стать одним из «командос» в подчиненном ему на прямую элитном подразделении ГРУ...

Для профессионала, коим, безусловно, являлся бывший командир СОБРа Северов, выбор между тихим исчезновением в небытие и службой отечеству представлялся более чем очевидным. Однако Ворон до сих пор был на свободе, что давало ферзям двух спецслужб повод для сегодняшнего обстоятельного разговора.

– Как я понимаю, для тебя это дело принципа? – выслушав вступительный монолог Корнача, по-офицерски залпом выпив коньяк, опустив бокал на стоящий между кресел журнальный столик и сложив мускулистые руки на груди, спокойно спросил инструктор. – Особенно после того, как он фактически уже был у тебя в руках? Или здесь нечто иное, а, Алексей? – Полковник хитровато прищурился, разглядывая выглядевшего скорее задумчивым, нежели удрученным неудачей коллегу из параллельной спецслужбы. Будучи неплохим психологом, он почти догадывался, что сейчас ответит генерал, и не ошибся.

– Попробую тебе объяснить, Валентин, – расправившись с коньяком, закусив долькой лимона и снова берясь за сигарету, отвечал Корнач. – Ты – профессионал, к тому же читал его личное дело, а значит, должен понять причины, побудившие Северова мочить бандоту по-черному. С точки зрения закона майору однозначно обламывается пожизненное

заклучение. Но он никогда не сядет, ты знаешь не хуже меня. Однажды служба безопасности какого-нибудь так называемого авторитета его вычислит... Или, что более вероятно, из шкурных интересов его попросту сдаст особо гнусный барыга из бывших заказчиков. Результат в любом случае очевиден!.. Но Ворон – наш человек, Валентин, и я, как генерал ФСБ и, прости за пошлость, государев слуга, должен сделать все от меня зависящее, чтобы не допустить случайности, из-за которой его банально кончат без всякой пользы для отечества. Майор Северов – специалист экстра-класса, диверсант высшего уровня подготовки. Выучка таких бойцов стоит государству очень дорого, занимая к тому же несколько лет спецподготовки, и глупо, особенно сегодня, разбрасываться готовыми экземплярами... Даже в масштабах такого большого государства, как Россия, счет этим парням идет на единицы! – Заметив укоризненную усмешку гэрэушника, генерал, всплеснув руками, поправился: – Ну максимум – на десятки! Какого хрена я тебе такое очевидное дерьмо объясняю?!

– Короче, Ворон позарез нужен живым, – подвел черту над излишне пространными рассуждениями Корнача привыкший к краткости формулировок инструктор ГРУ. – Толковый убивец с реальной практикой партизанской войны в мегаполисе мне совсем не помешает, здесь мы с тобой еще третьего дня все решили. Теперь, как в том анекдоте, вопрос за малым. Хотеть трахнуть Клаву Шиффер можно до камен-

ного сухостоя, а вот получить желаемое – здесь побарахтаться требуется... Есть толковые идеи, коллега?

– Ладно, не тяни резину, – усмехнулся Корнач. – Судя по алчному блеску в глазах, у вашего благородия их сразу несколько. Я прав?

– Ну в общем... да, – сдержанно кивнул Гайтанов, щелчком указательного пальца вытряхивая из мягкой пачки сигарету. – Не сочти за жлобство, Алексей, но вначале я все-таки хотел бы выслушать тебя. Итак... погнались?

– Я уже дал распоряжение разослать по всем постам ГИБДД и районным околоткам города и области фоторобот Северова. Ясный перец – без подробностей и с единственным указанием немедленно задержать и сообщить в нашу контору по телефону дежурного. Дальше информация, абы такая последует, сольется напрямую мне, без посредников и комментариев, – задумчиво сообщил генерал. – Надежды на халяву, разумеется, мало, но чем черт не шутит...

– Логично, – согласился инструктор, щелкая зажигалкой, выпуская облако дыма и откидываясь на спинку кресла. – Один раз в сто лет даже старая метла стреляет.

– Еще. Он уже понял, что его разоблачили именно по выдернутым из архива Костей Логиновым отпечаткам пальцев, а значит, постарается как можно быстрее сделать что-нибудь с руками. Если Северов сумеет нас опередить – наши шансы выйти на него будут близки к абсолютному нулю... Однажды Ворон уже сделал себе очень удачную пластическую

операцию, и велика вероятность, что он снова обратится к тому же самому хирургу, но уже с просьбой изменить ему рисунок на пальцах...

– Если ты имеешь в виду криолазерную пластику, – оживился разведчик, – это чистая лажа, описанная в медицинских журналах лишь теоретически. Ты всерьез думаешь, что хоть одна из наших родных питерских клиник, специализирующихся на резьбе по фэйсам, в курсе этого виртуального японского ноу-хау?

– Если об этом методе задумались мы, люди в погонах, то почему эскулапы-практики должны оказаться глупее? Это их хлеб, в конце концов. Пластические хирурги – народ особенный, завернутый на своей профессии, со своими каналами информации, а расстояния и границы в наш век компьютеров – не помеха. Поэтому мы должны учесть все возможные телодвижения Северова, перекрыть каждую лазейку! – весомо уточнил генерал, снова разливая коньяк по пузатым бокалам. – Кое-какие шаги я уже предпринял... Группа из двух моих агентов час назад начала разрабатывать всех медиков Питера, промышляющих этим пока еще экзотическим бизнесом. У каждого врача в памяти личного компьютера, разумеется под паролем, должны быть снимки всех его клиентов до и после операции, с полной историей «болезни» и подробностями – что, где и за сколько. Полагаю, вдумчиво покопавшись в файлах, можно попутно найти много полезной информации для нашего ведомства, – заключил Корнач,

поднимая бокал.

– Личные дела пациентов – врачебная тайна, охраняется законом, – с явной подначкой, улыбнувшись, прошептал генералу инструктор спецназа. – Скульпторы могут поднять шум...

– Я тебя умоляю, они даже не пикнут, – в тон полковнику ответил Корнач, пригубив ароматный французский напиток. – Думаю, через двое-трое суток я буду иметь копии со всех компьютерных баз данных, из каждой клиники. Любопытный компроматец наберется, как думаешь?

– Вхожу в долю, – согласился гэрэушник. – Авось какой штришок и сгодится в хозяйстве. Кстати, а почему раньше-то с лепилами не подсуетился?

– Раньше пробивка врачей конкретной цели не имела, но теперь, когда мы точно знаем, что Ворон – это майор Северов, изменивший свое лицо, возможно, мы найдем хирурга, который ему помог. А заодно ласково поспрошаем обо всех подозрительных клиентах, которые интересовались возможностью ликвидации или коррекции отпечатков пальцев. Вот в принципе пока и все, что я успел организовать. Теперь твоя очередь, выкладывай. – Корнач, осушив бокал и раздавив окурочек в пепельнице, с улыбкой взглянул на полковника.

Господин Блох поужинал в одиночестве

На встречу с особым клиентом, к ресторану гостиницы «Астория», одетый в модный костюм с галстуком и благоухающий дорогим одеколоном молодой пластический хирург Евгений Блох приехал чуть раньше. Припарковав машину – новенький зеленый «Лендровер» – в нескольких шагах от входа, врач решил соблюсти негласные правила приличия серьезных деловых встреч, появившись в зале ровно в назначенное время.

А пока позволил себе закурить, откинуться на спинку сиденья и, не без интереса поглядывая на входящих в стеклянные двери ресторана людей, гадать, кто из них окажется тем самым незнакомцем, не пожелавшим лично светиться в теперь уже ставшей его безраздельной собственностью клинике покойного профессора Романова.

За те несколько минут, которые Евгений провел в машине, в «Асторию» вошли всего шесть человек, четверо из них – женщины.

Что касается мужчин, то их скорее было не два, а полтора. Ребенок лет десяти, сопровождаемый, видимо, мамой и бабушкой, никак не мог принадлежать к его сегодняшнему будущему визави.

Оставался лишь низкорослый упитанный господин в рас-

пахнутом кашемировом пальто и болтающемся на шее белом кашне, минуту назад торопливо выпрыгнувший из оставившегося напротив входа «шестисотого» «Мерседеса» и метнувшийся под услужливо распахнутым расторопным охранником зонтом к массивным дверям.

Проводив босса, паренек с торсом игрока в регби снова нырнул в машину, хлопнул дверью, и «мерин» резво умчался в лабиринт сырых вечерних улиц.

Пожалуй, что этот тип с припухшей раскормленной рожей как нельзя более подходил под облик народного избранника, а ведь именно так представился во время разговора с секретарем потенциальный пациент...

Блох дождался, когда большая стрелка автомобильных часов сравняется с цифрой «двенадцать», вышел из машины, ткнул пальцем в кнопку на брелоке сигнализации и, убрав ключи в карман кожаного плаща, зашел в ресторан.

Скинул верхнюю одежду в гардеробе, причесался возле большого настенного зеркала в резной позолоченной раме и, отвязав сунув руки в карманы брюк, направился в зал.

Остановился при входе, обвел взглядом просторное, выдержанное в строгом респектабельном стиле помещение, уже замечая, как к нему на всех парусах спешит улыбающийся, явно довольный собой упитанный тип с прилизанными гелем волосами.

В последние годы посетителей в некогда популярной у богемы и партократов всех мастей «Астории» заметно поуба-

вилось, что неудивительно – цены в этом престижном ресторане, расположенном в историческом центре Питера, были явно не по карману даже коммерсанту средней руки.

Но Евгения сие не пугало. Во-первых, он и сам был более чем в состоянии позволить себе хороший ужин из заморских деликатесов, а во-вторых, платить по счету сегодня придется господину депутату, весьма, похоже, озабоченному состоянием собственной увядающей физиономии.

Кстати, а где он?

– Добрый вечер! – заискивающе поздоровался подруливший старший официант. – Рады видеть вас в нашем ресторане! Прошу, проходите! – Отступив на полшага в сторону, холененький труженик ресторанного сервиса сделал приглашающий жест рукой в сторону зала.

– У меня здесь заказан столик, – с налетом подходящей к моменту небрежности сказал хирург. – Моя фамилия Блох.

– Да-да! – кивнул, подтверждая, что находится целиком в курсе, официант. – Вон туда, пожалуйста, с левой стороны, возле колонны. Все уже оплачено, можете заказывать на ваше усмотрение и без оглядки! – вскинув брови, промурлыкал халдей. – Вы располагайтесь, а я на секундочку... Извините.

Двухместный, расположенный в закутке столик, на который указал официант, был пуст. Значит, тот тип с шарфом, из «Мерседеса», ни при чем? Ну и хрен с ним.

Евгений сел, выбрав место, откуда хорошо просматривал-

ся весь зал, не спеша закурил и задумчиво взглянул на наручные часы – привезенный из недавней турпоездки в Англию настоящий золотой «Ролекс». Семь минут десятого. Опоздывает, однако, народный избранник!

Чтобы не терять времени напрасно, Блох принялся за изучение лежащего на столике многостраничного меню. От разнообразия предлагаемых рестораном блюд рябило в глазах. Впрочем, так же, как и от прайсов. Что там говорил, дрыгая бровями, официант? Все оплачено? Отлично, тогда...

И эскулап, снедаемый вдруг взыгравшей в нем – вполне обеспеченном человеке – веселенькой шкурной страстишкой, принялся выбирать из всех имеющихся в перечне яств самые дорогие.

И плевать, что заказанное диковинное блюдо окажется каким-нибудь несъедобным дерьмом, вроде тушеных на углях обезьяньих мозгов под соусом из пиявок! Не это главное! А главное – свобода выбора. Настоящая свобода, абсолютная, без оглядки на условности – типа суммы со многими нулями! Ну разве хоть один человек в мире откажется от такого подарка судьбы?!

Увлеченный изучением меню, Евгений даже не заметил, как у столика вырос, почтительно изогнувшись, высокий худой парень в униформе с переброшенным через локоть полотенцем и застыл, терпеливо ожидая заказа. Простояв неподвижно около минуты и не будучи удостоен даже взгляда, халдей тихонько прокашлялся.

– Ах, простите... – отложив меню, поспешно пробормотал Блох, поправив указательным пальцем сбившиеся на кончик носа очки в тонкой золоченой оправе, делающие его похожим на банковского клерка, этакого умника с калькулятором вместо мозгов.

Он еще раз быстро обвел взглядом зал, ища пригласившего его в ресторан незнакомца, но все присутствующие, исключая лишь порхающий между столиками обслуживающий персонал, сидели на своих местах, не обращая ни малейшего внимания на него – одинокого светила пластической хирургии.

«Ну и фиг с ним, депутатом, я жрать хочу!» – мысленно выдал свой диагноз доктор и сквозь поднимающийся кверху легкий дымок от сигареты посмотрел на официанта.

– Мне, пожалуйста, филе северного оленя под соусом из тигровых креветок, салат «Кардинал», стакан минеральной воды «Перье» без газа и пятьдесят граммов виски «Гленд Фиддик», коллекционного. И еще лед.

– Хорошо, – опустив веки, привычно заверил служитель сервиса и умчался на кухню.

А в кармане доктора залился мелодичной трелью сотовый телефон.

Нисколько не сомневаясь, кто являлся инициатором вызова, Блох положил сигарету на край пепельницы, достал крохотную, под дерево, трубку и прижал ее к уху.

– Алло?

– Прошу прощения, что заставил вас так долго ждать, – послышался вкрадчивый голос, – но меня задержали дела. Пожалуйста, сделайте одолжение, не стесняйтесь себя в выборе и начинайте ужин без меня. Надеюсь, вам, доктор, не претит есть в одиночестве?

– Нисколько, – сымитировав зевок, отозвался Евгений. – Я уже заказал. Кстати, спасибо за сервис...

– Ерунда, – мягко ответил собеседник. – Уверен, когда мы с вами уладим все вопросы, вы даже не вспомните об этой маленькой любезности.

– Через сколько вас ждать? – счел нужным уточнить Блох. – Извините за бестактность, но я не собираюсь сидеть тут до утра. У меня сегодня свидание, и через час я должен быть в Коломягах.

– Значит, будете, – коротко ответил Ворон и отключил связь.

Манера поведения этого молодого эскулапа, продолжившего дело Романова, который еще с незапамятных времен в спецполиклинике Совмина натягивал кожу и сглаживал морщины на лицах первых дам высшего партийного света, совсем не стыковалась с респектабельной профессией пластического хирурга.

И все же Евгений Викентьевич Блох в свои тридцать лет был мастером омоложения и перевоплощения. За несколько часов, прошедших от первого телефонного звонка до звонка в «Асторию», Ворон сумел многое узнать. Оказывается,

услуги клиники, где сейчас практиковал этот парень, были самыми дорогими и едва ли не самыми востребованными во всем Питере.

...Ужин, если не принимать во внимание странное отсутствие за столом оплатившего его незнакомца, Евгению понравился. С удовольствием управившись с сочным, по причуде матушки-природы пахнущим белыми грибами нежным филе северного оленя, съев замысловатый, из неясных ингредиентов, потрясающе аппетитный салат и выпив терпкий, вяжущий рот не хуже аронии старый шотландский виски, он обтер губы салфеткой и снова взглянул на часы.

Без пятнадцати десять. Это уже слишком, пора и честь знать. Сколько, скажите на милость, еще здесь торчать, ожидая неизвестно где застрявшего «благодетеля», мать его ети?!

Твердо решив, что задержится за столиком ровно на время выкуривания последней сигареты, а потом удалится прочь, Блох щелкнул зажигалкой и втянул ароматный дым от «Парламента».

К столику приблизился официант – тот самый пупс, который встречал его у входа в зал.

– Желаете что-нибудь еще? – осведомился он вежливо, наклонившись под самое ухо.

– Нет, спасибо, – качнул головой Евгений. – Если вдруг появится человек, с которым я должен был встретиться, передайте ему от меня большой и пламенный привет!

– Я подозреваю, что вы сможете сделать это лично, – снова поиграв бровями, сообщил официант. – Вам просили передать, что напротив входа ждет автомобиль...

Полковник Гайтанов выкладывает свой план

– Мой план, в отличие от твоего, – начал инструктор, – в основе своей чисто ментовского, построенного на оперативных мероприятиях, опирается совсем на других китов... Насколько я понял, прочитав личное дело Ворона, бандиты убили не всю его семью?

– Да, у него остался сын. Двадцать три года. Зовут Иван. По моим сведениям, сейчас служит во внутренних войсках по контракту, в Чечне, – не раздумывая подтвердил Корнач, стремительно сообразив, куда именно клонит сидящий напротив опытный диверсант, некогда оставивший свой кровавый след на каждом из пяти материков планеты. – Ч-черт побери, я совсем забыл про парня!.. Вряд ли Северов успел сообщить ему, что раскрыт, значит... В общем, с меня причитается полянка с шашлыками!

– Вот видишь, как все до удивления просто, – легонько усмехнувшись, развел руками Гайтанов. – Я ни за что не поверю, чтобы у сына и отца не было прямого контакта. Или в крайнем случае общего друга, через которого они поддерживают связь. Глядишь, потянем за одну ниточку, вылезет целая банда...

– Наверняка, – покивал головой генерал. – Где-то ведь он покупает оружие, боеприпасы, кто-то снабжает его инфор-

мацией из милицейской базы данных, изготавливает фальшивые документы, кто-то его гримирует, в конце концов.

– Правильно, Алексей, правильно, – сдержанно, но с нотками некоторого превосходства согласился гэрэушник. – И женщина у него наверняка есть, хотя и не факт... А вот парень выведет нас напрямиком к своему героическому отцу. Особенно когда ему в приватной обстановке камеры открытым текстом будет объявлено, что неким карающим органам, с которыми, однако, можно договориться, теперь доподлинно известно, кто именно скрывается под маской ночного кошмара питерских бандюганов. Парень, хоть и молод, но уже повидал смерть, был на войне и глупить, я уверен, не станет. Поймет, что партия проиграна... Ну а если затупит, рискнет здоровьем и сделает круглые глаза... – Гайтанов окатил генерала холодным взглядом профессионального убийцы, – тогда убитый горем отец, в гриме или без оно, обязательно придет на Южное кладбище, где на огороженном кустиками пятачке, рядом с могилами жены и дочери, хмурые похмельные мужики будут хоронить и его сына, героически погибшего во время неравного боя с превосходящими силами боевиков. Он просто не может не прийти, и это будет последняя точка. У гроба мы его и повяжем! Что скажешь?..

От циничного, дьявольского плана инструктора по спине Корнача пробежала холодная волна, сердце гулко застучало в груди, челюсти непроизвольно сжались. Впервые за

годы знакомства с полковником Гайтановым он взглянул на неожиданно обнажившего свою реальную сущность инструктора ГРУ совсем другими глазами...

Но в принципе Корнач понимал – винить полковника в столь бесчеловечном плане нельзя, ибо созревшая в его мозгу жестокая комбинация была лишь порождением главной, навсегда въевшейся в натуру диверсанта установки – любой ценой добиться поставленной задачи, не считаясь ни с какими частностями, вроде чужих жизней. Любые сантименты и морально-нравственные терзания для спеца такого уровня означали только одно – смерть и провал задания командования.

Но, судя по тому, что Гайтанов до сих пор жив-здоров и для своих лет находится в прекрасной физической форме, такая слабость, как жалость к постороннему, не была присуща его натуре.

Поэтому Корнач быстро взял себя в руки, и, когда заговорил, в ровном, без надрыва, голосе уже ничто не выдавало только что разразившуюся в душе генерала бурю негодования.

– Уверен, ты имеешь в виду закрытый цинковый гроб, внутри которого лежит мешок с песком, – с некоторым нажимом спросил Корнач. – Так, Валентин?..

Гайтанов чуть напрягся, и на его виске отчетливо запульсировала вена...

– Ну, разумеется!.. – процедил он небрежно, скривив гу-

бы. – Мы люди, хоть и военные, однако не варвары какие-нибудь! Ничего с парнем не случится, прессанем малость, а если по-хорошему не расколется – изолируем на недельку в четырех стенах, красиво симитировав гибель в бою, и разыграем спектакль. А когда Ворон будет уже в браслетах, объявим, что пошутили. Обрадуется, волчара!.. После такой партии на контрастах он уже без гвоздей целиком наш, или я ни хрена не понимаю в психологии...

– Смотри не перестарайся, полковник, очень тебя прошу, – вздохнув, заметил Корнач. – Не дай бог никому вместо брата по оружию занять в лице Северова *личного* врага... Я тебя не пугаю, не подумай. Не того ты поля ягода, чтобы слов бояться. Просто слишком хорошо знаю, о чем говорю.

– Это все лирика! – поморщившись, надменно отмахнулся инструктор ГРУ. – Короче, дело к ночи. Когда сможешь скинуть мне вводные по пацану?

– Сегодня, ближе к вечеру, – ответил генерал, вставая с кресла. – Номер войсковой части будет у тебя на пейджере не позднее двадцати трех ноль-ноль.

– В таком случае не позднее чем через трое суток ты получишь или контактный телефон Ворона, или... – Гайтанов вздохнул, скользнув недвусмысленным взглядом по початой лишь на треть зеленой бутылке, – известие о безвременной кончине во второй чеченской кампании очередного контрактника. Хотя не думаю, что до этого дойдет, и спектакль на Южном погосте не понадобится!

– Ты давай не майся, Валентин. Я же не слепой, – улыбнулся Корнач, цепко перехватив направление взгляда полковника. – Похоже, сегодня у тебя желание принять на грудь чарку-другую сверх обычного? Повод какой или так, расслабления для? – подмигнув, поинтересовался генерал.

– Ни одной живой душе не говорил, но так и быть... – ухмыльнулся инструктор, беря коньячную бутылку и наполняя бокал почти наполовину. – Вчера у меня в Петрозаводске дочка родилась! Сподобился, знаешь ли, на пятом десятке стать отцом. Сам удивляюсь!

– Ну-у, за такое событие грех не разговеться! – понимающе развел руками Корнач. – Прими мои поздравления! Хотя... ты, если не изменяет память, не женат?

– И никогда не женюсь, по крайней мере до тех пор, пока на плечи давят погоны. Сам знаешь, по краю пропасти ходим, генерал... А назвали – Юлия. – И Гайтанов, легко выдохнув в сторону, в два глотка принял внутрь еще сто граммов благородного «Камю».

Бодро, словно от холода, передернув плечами, вальяжно встал с кресла и, поколебавшись в задумчивости, протянул коллеге по невидимому фронту широкую узловатую кисть для пожатия.

– Не волнуйся, мастер, фирма веников не вяжет, – заключил инструктор ГРУ. – Кассету с записью показаний бойца ты получишь с курьером уже в пятницу. В противном случае я прилюдно, прямо на Дворцовой площади, у столпа, сожру

свои погоны без соли! – скрипнув зубами и ухмыльнувшись, жестко заверил Корначу слегка захмелевший диверсант. И, уже стоя перед входной дверью конспиративной квартиры, вдруг спросил: – Ну а если Ворон попадет в наши руки и все же откажется от сотрудничества с нами?

Мрачная тень опустилась на лицо генерала:

– Тогда, что ж... Долг требует... Но надеюсь, до этого не дойдет...

Ворон и хирург катаются на «Субару»

Передняя дверь стоящего под запрещающим знаком замызганного грязью «Субару» приглашающе открылась, едва Блох вышел из ресторана.

Постояв секунду, словно в раздумьях, пластический хирург подошел к тачке, не спеша провалился в полутемный салон, и машина тут же сорвалась с места, гулко урча явно зафорсированным мотором, по направлению к Невскому проспекту.

Повернувшись, Евгений с любопытством посмотрел на сидящего за рулем лохматого и бородатого мужчину неопределенного возраста, одетого в потертую кожаную куртку и совершенно лишние в это темное время суток круглые солнечные очки.

«Борода, конечно, приклеенная, – машинально пронеслось в голове у врача, – но смотрится вполне натурально».

– Прошу меня извинить, Евгений Викентьевич, но раньше никак не получилось, – бесцветным голосом сказал незнакомец.

Лихо подрезая сунувшуюся на перекресток «Ниву», он резко свернул на прилегающую улицу под красный сигнал светофора и, вжав педаль газа, в который уже раз бросил внимательный взгляд в зеркало заднего вида.

«Точно, бандюга, – равнодушно, констатируя лишь впол-

не очевидный факт, без тени сомнения подумал эскулап. – Проверяет, нет ли за мной „хвоста“. Знать, есть у господина „депутата“ серьезные основания для беспокойства. Что ж, тем лучше. Такой вряд ли начнет душиться из-за лишней тысячи баксов».

Его интересовал лишь один занимательный пустяк.

– Скажите честно, там, в ресторане, был ваш человек, верно? Вы решили для начала понаблюдать за мной со стороны? – Чтобы хоть как-то сгладить столь откровенное и неуместное в данных обстоятельствах любопытство, док безмятежно улыбнулся и покачал головой: – Такого в моей богатой практике до сих пор не происходило!

– От вас ничего не скроешь, Евгений Викентьевич, – немного помедлив с ответом, почти приятельским тоном заметил Ворон, слегка кивнув. – Да, вы правы. Обстоятельства вынуждают меня соблюдать некоторые меры предосторожности... Знаете, док, я всегда верил в аксиому, утверждающую, что перед врачом нужно быть откровенным, как перед богом, – свернув на ближайшем перекрестке еще раз и наконец-таки сбавив скорость до обычной, как можно серьезнее заявил Сергей. – А также в то, что врач, выбравший профессию вроде вашей, не должен задавать клиентам слишком личные вопросы, касающиеся причин, побудивших их принять непростое для каждого человека решение. Вы меня понимаете?

– Ну разумеется, – пожал плечами Блох. – Если я только

что сболтнул лишнее, то можете не слишком заострять на этом внимание. Обычно я не особенно разговорчив даже в повседневной жизни, не говоря уж о врачебной тайне. А сейчас... просто секундные эмоции... И, если можно, давайте сразу перейдем к деталям. О'кей?

Вытряхнув из пачки сигарету, хирург не стал доставать из плаща зажигалку, а по-хозяйски придавил светящуюся кнопку прикуривателя на панели. Это был своего рода жест холодной безмятежности, внутреннего спокойствия и общности интересов.

– Когда я в последний раз разговаривал с вашим покойным коллегой, профессором Романовым, предметом моего интереса были отпечатки пальцев, – сказал Ворон, бросив взгляд через плечо из-под непрозрачных стекол очков. – Точнее – возможность их устранения. А если в идеале – абсолютной корректировки. Тогда дела обстояли не слишком оптимистично. Вот я и подумал: а вдруг за истекшие месяцы мировая наука сделала гигантский шаг в будущее? Что скажете, док?

Правая рука Ворона, поднявшись с рычага переключения скоростей, на миг скользнула в карман его куртки, и на панель у лобового стекла с легким стуком упала перетянутая резинкой увесистая пачка долларов.

Прежде чем ответить, уже готовый ко всему, но все-таки немного застигнутый врасплох, Блох долго молчал, часто и глубоко затягиваясь быстро сгорающей сигаретой и зачем-то

бросая взгляды сквозь покрытое сетью дождевых капель бликующее темное стекло на боковое зеркало «Субару».

– Кое-что действительно изменилось... – наконец тихо ответил он, излишне тщательно затушив окурок в пепельнице. – Правда, это пока только на уровне эксперимента, но, как вы верно выразились, движение вперед очевидно.

– Отрадно слышать. И в чем конкретные сдвиги?

– Вы слышали про метод криолазерной пластики? Он применяется для сглаживания оставшихся после операции или несчастного случая шрамов. Эффект впечатляет. Даже от самых уродливых «кратеров» оспы не остается ни малейшего следа. При желании этим же аппаратом можно полностью стереть с кончиков пальцев отпечатки кожного рисунка, которые не восстановятся до конца жизни. Это уже подтверждено практикой.

– Чьей? – неожиданно сухо поинтересовался Ворон. – Вашей?

– Нет, я с такими просьбами пациентов пока еще не сталкивался, – помотал головой Евгений. – Но мне точно известно, что это возможно. По крайней мере об одной такой операции, имевшей место в Германии, я знаю от человека, ее проводившего. Мы встречались на конгрессе, в Штатах... И, открыто говоря, я сам очень хотел бы сделать подобную операцию. Только вот... – Блох на секунду замялся, тщательно подбирая слова, весящие в этом разговоре, как он понял, не меньше золота. – Стоит ли прибегать к столь варварской про-

цедуре с точки зрения целесообразности? Человек без отпечатков – просто подарок для следственных органов. Вопьют, как клещи, всю кровь высосут...

– Логично. И в этой связи второй вопрос. – Ворон умышленно покосился на то и дело притягивающую глаза эскулапа пачку денег. – Способна ли современная пластическая медицина в принципе изменить данный нам на всю жизнь узор на пальцах? Так, чтобы отпечатки не привлекли внимания изучающего их под микроскопом эксперта-криминалиста?! Подумайте хорошо, Евгений Викентьевич... Это очень важно.

– Мне не нужно долго думать, – глухо произнес хирург неожиданно для самого себя. Видимо, в очередной раз у Евгения сработала интуиция, чутье, уловившее, как в окружающем воздухе отчетливо запахло большими деньгами. – Я уверен, это возможно. Но только используя оборудование, стоимость которого исчисляется шестизначной цифрой в баксах. А у меня сейчас нет ни такой финансовой возможности, ни, признаюсь, насущной необходимости приобретать столь редкие чудо-аппараты. Коммерчески невыгодно, знаете ли! Если только... – Блох снова многозначительно запнулся и полез в карман за новой сигаретой. Закурил, дважды глубоко затянулся и уже более твердым голосом закончил: – Если только игра не стоит свеч. Тогда... пожалуй, я мог бы рискнуть, попробовав убить сразу двух зайцев.

– А конкретнее? – стараясь не показывать возникающего возбуждения, уточнил Северов.

– Сейчас не то время, чтобы верить людям на слово. Кругом сплошной обман. Только поймите меня правильно... Я вынужден всегда брать с клиентов предоплату. Данный случай особый, я бы даже сказал – уникальный, требующий огромной предварительной подготовки, поэтому... вне зависимости от окончательных результатов я хотел бы получить двадцать пять тысяч долларов авансом за каждый палец и оставить в своей клинике используемый в операции аппарат, – поняв, что игра пошла ва-банк, чуть дрогнувшим голосом заявил хирург.

Мгновенно созревший в его голове план был дерзок, опасен, но в случае успеха сулил огромный куш!

Опер УБНОНа дает показания

Подполковник Трегубов, высокий кряжистый мужик лет сорока пяти, с коротко стриженными кудрявыми волосами, сложив руки в замок и положив на них гладко выбритый квадратный подбородок, не моргая смотрел на сидящего напротив капитана Валеру Дреева, изредка переводя взгляд на расположившегося чуть в стороне, на стуле, у задернутого зелеными бархатными шторами огромного окна, задумчиво-хмурого генерала ФСБ.

Сегодня Корнач пришел на службу в штатском, что случилось с ним крайне редко. Трегубов знал – это был верный признак того, что в недрах его, генерала, секретного отдела готовится нечто по-настоящему серьезное.

– Ну рассказывайте, капитан, как дело было? – раздавив окурок о дно стеклянной пепельницы и разогнав рукой дым, приказал подполковник, являющийся непосредственным начальником Валерия Дреева. – Кому из вас пришла в голову идея поставить на уши Гоблина с подельником и урвать у них килограмм «кокса»?

– Это была исключительно моя инициатива, – четко выговаривая каждое слово, ответил капитан, не отводя глаз в сторону и выдержав тяжелый взгляд командира. – Единственной реальной возможностью закрыть осторожного негритоса в «торбу» было взять его с поличным – причем с таким коли-

чувством товара, что ни одному купленному мафией следаку даже в голову бы не пришло, что бедный УБНОН способен слить ради подставы такой объем неучтенного порошка, чья стоимость даже после кризиса составляет несколько десятков тысяч долларов...

– И каким образом вы планировали подбросить Лерою кокаин? – процедил сквозь зубы Трегубов, снова покосившись на неподвижно сидящего у окна генерала.

– Здесь возможны варианты, но идеальное место – запаска его джипа. Она все время снаружи, так что при определенной сноровке...

– Я вас понял, – кивнул подполковник. – Продолжайте по делу!

– Я предложил Косте... капитану Логинову помочь мне, и он согласился. Позавчера ночью я приехал к нему домой на своей машине и сообщил, что мне стало известно от информатора, когда и где Гоблин возьмет очередную партию товара. Мы выехали на место, организовали засаду и провели несанкционированный захват, в результате которого я застрелил одного из торговцев, перед этим получив пулю в бронжилет, а капитан Логинов был убит очнувшимся Гоблином в тот момент, когда перелезал через кирпичную стену. Я полностью осознаю свою вину и готов понести наказание.

– Наказание! – Трегубов с силой врезал кулаком по столу. – А кто вернет к жизни вашего... нашего товарища, погибшего в результате этой дурацкой, недостойной офицеров

самодетельности?! Кто?! Вы хоть знаете, капитан, что вам грозит?! Вам грозит увольнение из органов и тюрьма! Нижний Тагил, мать его!..

– Я ни в коей мере не пытаюсь оправдываться, товарищ подполковник, – почти спокойно произнес Дреев, – но мой близкий друг капитан Логинов сам прекрасно знал, на что шел! Он погиб в результате нелепой случайности, забрав у Гоблина пакет с кокаином, но не обыскав на предмет наличия оружия. И это все, что я хотел добавить...

– Куда вы спрятали упаковку, капитан? – тихо спросил Корнач, впервые подав голос.

Генерал встал со стула и, заложив руки за спину, подошел к столу.

– Она у меня с собой, – чуть помедлив, сообщил Дреев.

Сунув руку во внутренний карман свободной кожаной куртки, опер извлек оттуда и положил на коричневую, полированную до блеска поверхность командирского стола запаянный в прочный прозрачный полиэтилен упругий прямоугольный пакет с белым порошком.

На несколько секунд в кабинете начальника УБНОна повисла тишина.

– Погуляйте пока в коридоре, капитан, – задумчиво посмотрев на Дреева, неожиданно предложил Корнач. – Мы вас позовем, когда будет нужно...

Валерий встал со стула и, развернувшись, покинул просторный кабинет, аккуратно прикрыв за собой обитую дер-

матином дверь.

– В чем дело, товарищ генерал? – недоуменно приподнял брови Трегубов, вытаскивая из черной, с двуглавым орлом, пачки «Петра Первого» очередную сигарету и разминая ее пальцами.

– Я считаю, Михаил Юрьевич, что этого опера не стоит подводить под статью, – сказал Корнач, покачав головой. – Вы знаете, насколько я ценил Логинова, но... Дреев прав – Костя согласился на незаконное изъятие «дури» добровольно, и отнюдь не с целью личного обогащения, а для нашего общего дела. Вот уже год, как этот нигериец находится в разработке, но ни один из его подельников так и не рискнул дать против него показания.

– Понятно, жить всем хочется. И что вы предлагаете? – осторожно спросил подполковник, сжав потрескавшимися от ветра губами сигаретный фильтр.

– Этот парень не виновен в гибели Кости. Налицо действительно трагическая случайность... А у нас в системе и без того катастрофически мало таких идейных и проверенных людей, как Дреев, и губить молодому мужику и его семье жизнь только из-за того, что он незаконным способом решил помочь нашему общему делу, – это значит собственными руками сделать подарок нашим врагам, наркомафии.

– Но он убил человека!.. – попытался было возразить Трегубов, но категорический жест генерала заставил его замолчать на полужесте.

– Таких, как этот... как его? – нахмурился, вспоминая фамилию убитого Дреевым наркобарыги, Корнач.

– Короленко. Кличка – Скат, – напомнил подполковник.

– Вот именно, – кивнул генерал, начав измерять кабинет шагами. – Если их всех приравнять к людям только потому, что у них две руки, две ноги, туловище и голова, к тому же они имеют паспорт, в котором написано слово «гражданин», то тогда нам с вами, Михаил Юрьевич, лучше прямо сейчас снять погоны и написать рапорта об увольнении из органов. Я понятно изъясняюсь?

– Ну в общем... – пробормотал подполковник, уже начиная понимать, куда клонит коллега из спецслужбы. – Только на кого мы спишем мертвяка?

– Разве это проблема, Михаил Юрьевич? – не останавливаясь, снисходительно пожал плечами генерал. – На того, на кого это сделать легче всего и кто на нас за это уже не обидится... Пусть земля ему будет пухом.

– Вы имеете в виду Логинова?

– Именно. Оружие капитана Дреева приобщить к делу, заменив на найденный у Логинова пистолет. Пусть на стволе обнаружатся отпечатки Кости. В результате мы получаем вполне достоверную картинку. Логинов, превысив служебные полномочия, в одиночку решил опустить двух наркобарыг, одного оглушил, второго уничтожил, прихватил с собой товар и – сделал ноги. Но оглушенный урод по кличке Гоблин продрал-таки глаза, выхватил пушку и всадил в спину

капитана пулю. Потом забрал у него кокаин и скрылся.

– Звучит убедительно, – хмыкнул Трегубов, выпустив через нос две струи дыма и скривив губы. – Тогда такой вопрос – если, по изложенной вами версии, Гоблин забрал кокаин, как нам его оприходовать?

– Официально – никак. Но, думаю, «кокс» нам еще пригодится... – Дойдя до дальнего окна, генерал развернулся и направился навстречу сидящему за столом в облаке сизого дыма подполковнику. – Я не хотел вас ставить в известность раньше времени, Михаил Юрьевич, но ребята из нашей «конторы...» как бы это поделикатней выразиться... несколько опередили ваше управление в области борьбы с наркоторговлей...

Доктор Блох решил идти до конца

Однажды молодой и способный пластический хирург Евгений Блох уже сделал решительный шаг, круто изменивший всю его дальнейшую жизнь. Прибыв на один день в Сочи, где отдыхал профессор Романов, он плеснул ему в минералку коктейль из дюжины составляющих.

В результате хозяин доходной частной клиники, одинокий увлеченный гений, склеил ласты от сердечного приступа прямо во время езды на автомобиле по горной дороге, что оказалось просто подарком судьбы. А ассистент Женя, как преемник и младший компаньон, стал полноправным хозяином раскрученной практики...

И – никакого криминала, все шито-крыто!

И вот сейчас, похоже, переменчивая фортуна снова давала Блоху шанс круто подняться. Огромные бабки в лице этого лохматого Бармалея буквально плыли в руки. Так почему он должен их упускать?!

Главное – это четкий детальный план и финал, после которого отдавший баксы клиент не предъявит никаких претензий, а лучше – исчезнет навсегда!

– Сколько конкретно стоит нужное оборудование и какой срок потребуется вам на его покупку и подготовку к операции? – между тем деловито спросил Ворон.

– Максимум – полтора месяца, – переведя дыхание, сбив-

шеся от участившегося сердцебиения, пробормотал эскулап. – Мне достаточно сделать запрос по Интернету в Токио, получить согласие, перевести через банк двести семьдесят пять тысяч баксов, и японский криолазерный излучатель отправят курьерской почтой буквально на следующий день.

Евгений Викентьевич ощущал, как в его груди, словно взбесившийся метроном, с нарастающей силой и частотой ухает неукротимый паровой молот. Блох, жадно затягиваясь дымом, уже и без того плотно окутавшим салон, чувствовал, что начинает потеть от нервного напряжения, и изо всех сил старался не выдать своего волнения.

– Несколько дней уйдет на то, чтобы просканировать каждый палец и с помощью компьютера создать новый рисунок с наименьшей площадью коррекции. Работа займет суперминимум неделю на каждый палец... Примерно недели две кожа будет заживать, принимая нормальный вид... Если результат окажется удовлетворительным, на обе руки уйдет примерно три с половиной месяца, считая с сегодняшнего дня... И по окончании этого срока, даст бог, вы не только навсегда избавитесь от старых, но и получите новые отпечатки пальцев. Такая схема...

Ворон задумался. На словах всегда получается гладко, а вот на деле...

Хотя, если разобраться, чем он рискует, кроме презренных бумажек с портретами Бенджамина Франклина? Ну, в худшем случае запрет этот скульптор подушечку мизинца

на одной руке... От этого не умирают. Зато, если получится, это будет равнозначно новому рождению. И никакого больше силиконового крема для рук. Никому и в голову не придет, что можно изменить отпечатки.

А если дотошные умы в ФСБ все же допустят такую гипотетическую для лапотной России возможность, то это в любом случае будет выстрелом вхолостую. Ищи ветра в поле. Только бы у этого рискованного лепила получилось!..

Северов нахмурился и чуть заметно кивнул на тугую пачку денег, лежащую у лобового стекла:

– Это – аванс. Завтра в офис тебе доставят двести семьдесят пять тысяч «зеленых»... Оставшийся лимон, так и быть, получишь позже, тогда, когда я окончательно разберусь, что овчинка стоит выделки... Но запомни, Женя, – Ворон как бы невзначай положил руку на худосочное плечо хирурга, – с этой минуты мы с тобой скованы одной цепью. И разорвать ее можно только кровью... Усек? Шутки кончились.

– Я уже понял, – сглотнув подступивший к горлу горький комок, хрипло пробормотал врач, рассеянно глядя прямо перед собой на размытые очертания домов, дороги и уличных фонарей, мелькающих за стеклом продирающегося сквозь стену дождя резвого «Субару». – Но предостережения лишние, поверьте. За гонорар, какой вы поставили... А если с вами надо будет связаться?

– «Если» не будет, – отрезал Ворон. – Делай свое дело, я сам объявлюсь... Тебя куда, обратно к «Астории»?

– Да, конечно. У меня там тачка... Как будто не знаете...

В эту секунду обычно уверенному в себе, если не сказать самонадеянному, Евгению впервые за много лет вдруг стало по-настоящему неуютно. Потому что он почувствовал, как от незнакомца, сидящего за рулем рядом с ним, отчетливо повеяло могильным холодом.

Но давать задний ход было поздно...

Еще будучи безусым пацаном, Женя усвоил простую и избитую истину: кто не рискует – тот не пьет шампанское и не загорает на Таити! А он всегда хотел иметь гораздо больше...

«Интересно, скольких бедолаг этот ряженный урод замочил за свою жизнь?» – несколько раз подряд, как на заезженной пластинке, с глухим эхом прокрутилось в голове у врача, прежде чем он, буркнув что-то на прощание, покинул остановившуюся напротив гостиницы машину лохматого типа и, спиной ощущая устремленный вдогонку пытливый взгляд, нетвердой поступью направился к поджидающему его у Исаакя джипу.

Генерал ФСБ заматывает «кокс»

– А можно конкретнее? – окаменев на мгновение лицом, Трегубов пристально уставился на медленно прохаживающегося мимо подтянутого и моложавого Корнача. Как было известно подполковнику, генерал пришел в «контору» в самом начале девяностых из спецназа ВДВ, где он командовал впоследствии расформированным, по непонятным причинам, диверсионным отрядом «Белый барс».

– Да, конечно, – кивнул Корнач. – Вот уже в течение трех лет некоторые наши структуры фактически дублируют аналогичную работу Министерства внутренних дел. Прямо как в старые добрые времена – подчас весьма успешно и практически всегда незаметно для «младших» коллег. Вот одна из таких длительных разработок, очень похоже, близка к завершению. Раньше-то оно как было? В сети попадалась мелкая сошка, розничники, куда реже дилеры низшего звена, и уж совсем редко – более-менее серьезные оптовики, торгующие целыми упаковками.

Корнач остановился возле стола, взял в руки килограмм кокаина и, взвесив его на ладони, положил обратно. Снова тронулся неспешным шагом измерять длину кабинета.

– Хотите сказать, Алексей Тихоныч, что удалось выйти на целую цепочку? – предположил подполковник, не спуская бегающих глаз с медленно поворачивающимися влево-впра-

во зрачками со словно плывущей по воздуху фигуры Корнача.

– Не хочется взглянуть, но дело куда серьезнее и масштабнее! – Генерал подошел к окну, отдернул штору и застыл, вглядываясь в копошащийся внизу Литейный проспект. – У нас под круглосуточным колпаком сейчас находится не только «окно» на таможне, откуда в страну просачивается груз, не только склад его временного хранения на территории одного маленького провинциального городка неподалеку от Питера, не только пофамильно все задействованные в поставке кокаина барыги, числом двенадцать, но и пять основных оптовых дилеров с их сетью распространения по районам, насчитывающей до полусотни уличных и клубных торговцев. В нашей базе данных досе на каждого, и единственной проблемой на сегодняшний момент остается сам Карим Лерой, гражданин Республики Нигерия, студент-заочник Горного института и идеально чистая перед законом личность, если не принимать в расчет оперативные сведения, не подкрепленные свидетельскими показаниями и уликами! Вот и получается любопытный расклад...

– В котором недостает только повода, дающего законное право со спокойной душой запихать Лероя в камеру, и против которого даже личный адвокат бедного студента, господин Свербицкий, не найдет убедительных аргументов, – закончил за генерала Трегубов. – Любопытно, честное слово! Как же это ваша «контора» нас так круто обскакала, а, Алек-

сей Тихоныч?

– Так уж получилось, дорогой, не обессудьте, – развел руками Корнач и, одернув пыльную штору на окне, вернулся к столу. Сел напротив Трегубова и сложил руки перед грудью. – Но последний аккорд в этой сложной и кропотливой операции предстоит поставить именно вам, товарищ подполковник.

– Я не знаю всех ваших планов, товарищ генерал, но полагаю, что нам нужен свидетель, уже засвеченный в милиции наркобарыга, который мог бы дать против Карима Лероя показания, черным по белому назвав его главным распространителем «дури» в Питере! – немного поморщив лоб, заметил Трегубов, лукаво поглядывая на генерала из-под бровей и облака сигаретного дыма.

– Вы просто читаете мои мысли, Михаил Юрьевич, вот что значит профессионализм, – кивнул, едва обозначив улыбку, Корнач. – Надо дать Дрееву шанс реабилитироваться, по крайней мере в собственных глазах... Если у такого опытного оперативника, как он, земля под ногами горит, а на душе лежит камень и жмет сердце вина за гибель друга, капитан достанет этого вурдалака хоть из-под земли, заставив написать собственноручное чистосердечное, что именно он, Гоблин, будучи еще годовалым младенцем, лично стрелял в товарища Андропова на улице Чаплыгина... В общем, я уверен, что Дреев перевернет весь город, все притоны и шхеры, но Гоблина этого найдет и расколется уже через несколько

дней! – заключил генерал, бросив недвусмысленный взгляд на закрытую дверь кабинета.

Подполковник Трегубов без лишних слов встал из-за стола, пересек комнату, толкнул дверь и, выглянув в коридор, окликнул напряженно курящего в дальнем конце, у окна во двор, Валеру Дреева:

– Капитан! Зайди...

Затушив окурок прямо об окно и бросив его в стоящий на облупленном подоконнике, заполненный почти на треть «бычками» граненый стакан, хмурый опер уверенно вошел в кабинет. А ровно через две минуты покинул его, получив из уст генерала ФСБ четкий и исчерпывающий приказ-ультиматум разыскать убийцу Кости Логинова и сделать его главным свидетелем по делу нигерийца.

Уходя из дома на Литейном, Валера на миг задержался на ступеньках и, подняв глаза к серому небу, по которому медленно проплывали рваные облака, поклялся сам себе навсегда уйти из органов в том случае, если ему не удастся достать подавшегося в бега ушастого драгдилера по кличке Гоблин, одним выстрелом перечеркнувшего жизнь его лучшего друга...

Офицеры госбезопасности работают по плану Корнача

Однако на этом сюрпризы уходящего дня для пребывающего в тягостных раздумьях хирурга не закончились. После скомканного свидания с девушкой Аленой и едва не случившегося лишь благодаря ее настойчивому старанию и мягким губкам мужского конфуза, сразу после скоротечного сексуального акта Блох сослался на плохое самочувствие и необходимость полноценного отдыха перед намеченной на завтрашнее утро операцией и ретировался из ее квартиры в Коломьягах, решив в тишине родных стен детально обмозговать неожиданное предложение лохматого незнакомца, подкрепленное щедрым авансом.

Устав от размышлений, он с тоской взглянул на часы, показывающие начало третьего ночи, заглотил две таблетки снотворного, рухнул в постель и со всем старанием попытался уснуть. Однако доносящиеся из-за стены спальни звуки музыки, лошадиный топот и пьяное ржание гостей гуляющего соседа по этажу Власа – одного из авторитетов «малышевской» группировки – никак не способствовали полноценному отдыху.

Чертыхаясь на чем свет стоит, Евгений попытался упасть в объятия Морфея, накрыв голову подушкой и, как в кокон, зарывшись в одеяло, но неожиданно раздавшийся звонок ле-

жащего на прикроватной тумбочке радиотелефона окончательно вывел его из себя.

Рывком откинув одеяло и подушку, скатившуюся на пол, хирург схватил трубку, ткнул пальцем в кнопку соединения и бросил:

– Что надо?! – нисколько не сомневаясь, что звонит именно гуляющий за стеной сосед, однажды среди ночи уже заставивший его присоединиться к празднованию своего «дня рождения» и стать участником пьяной вакханалии в компании двух бандитов и трех напрочь лишенных комплексов, пахнувших дешевой парфюмерией обесцвеченных девиц с явно малоросским акцентом.

На следующий день Евгению пришлось звонить в клинику и прикидываться больным, перенося все визиты на завтра. Тогда, лежа в теплой ванне-джакузи, мучаясь от адской головной боли и обмотав лоб полотенцем с кусочками льда для коктейлей, он твердо поклялся, что впредь ни за что не станет пить с Власом и его дружками. Дал же бог соседа по элитарному дому!

– Алло?! Кто это?! – не услышав ответа, нервно рявкнул Блох и, подождав еще секунду, со злостью бросил телефон на тумбочку, после чего, протяжно замычав, встал с кровати и отправился на кухню – выпить стакан фруктового кефира и выкурить для успокоения нервов сигаретку.

Но не успел он открыть холодильник, достать пакет и сделать пару глотков, как в дверь позвонили. Затем еще и еще

раз...

Испытывая неприятный холодок в груди и беззвучно матерясь, Блох прошлепал в коридор и осторожно прильнул к панорамному «глазку».

На ярко освещенной лестничной площадке, куда выходили двери всего двух роскошных квартир, вместо знакомой расплывшейся в самодовольной ухмылке рожи Власа Евгений увидел высокого мужчину в джинсах и кожаной куртке. Видимо, услышав шаги в квартире и догадавшись, что его разглядывают в «глазок», мужчина вынул руку из кармана и продемонстрировал развернутое удостоверение в красной корочке.

– Мне нужен доктор Блох, Евгений Викентьевич, – ровным голосом сказал нежданный визитер. – Старший лейтенант ФСБ Ткачев. Откройте, пожалуйста, это очень срочно.

Нажав кнопку электрического замка, Блох, после переезда в новую квартиру не опасаящийся никаких криминальных сюрпризов – в холле подъезда круглосуточно дежурил вооруженный милиционер-охранник, – открыл дверь и, оглядев ночного гостя, недовольно буркнул:

– Разве вы не знаете, сколько сейчас времени? Неужели нельзя было подождать до утра? В конце концов, лейтенант, я не реаниматолог, а пластический хирург!..

– Я знаю, что вы не реаниматолог, а пластический хирург. Одевайтесь, пожалуйста. Внизу ждет машина, – тоном, не допускающим возражений, произнес тот.

– Я – частный практик и не намерен!.. – попробовал было возразить Блох, но, наткнувшись на мигом заледеневший взгляд визитера, замолк на полуслове. – Вы хоть знаете, сколько стоит один час моего рабочего времени?! – не найдя ничего более подходящего, уже обреченно уточнил Евгений.

– Знаю, – кивнул решительно настроенный старший лейтенант и мельком посмотрел на часы. – У вас в распоряжении ровно две минуты. Будьте благоразумны, доктор... – Сделав шаг вперед и корпусом деликатно потеснив Евгения в коридор, офицер государственной безопасности прикрыл за собой дверь. – Одевайтесь. Поедем к вам в клинику.

– Черт знает что! – испытывая неприятный мандраж во всем теле, обреченно выругался Блох и направился в спальню...

Когда выходили из лифта, сидящий за столом охранник сделал вид, что увлечен чтением журнала, и даже не соизволил поднять лицо.

...Зеленая «Волга» быстро летела по пустынным улицам ночного города. За рулем машины сидел так и не проронивший ни единого слова парень лет двадцати восьми с незапоминающейся внешностью. Второй, представившийся как старший лейтенант Ткачев, расположился на заднем сиденье, рядом с суетливо курящим одну сигарету за другой и поглядывающим в окно Евгением.

– Можно хоть узнать, в чем причина столь аврального посещения моей клиники? – уже несколько взяв себя в руки,

нарушил напряженное молчание хирург. – В конце концов, я имею право знать, что от меня хочет ваша «контора»!

– Имеете, бога ради, – кивнул Ткачев. – У нас появилась информация, что один особо опасный преступник сделал пластическую операцию именно в вашем учреждении, после чего справил себе фальшивые документы и с новым лицом успешно скрылся за границей.

– К вашему сведению, я провожу до десяти-двенадцати операций в месяц, минимум пять из них касаются коррекции лица, – пожал плечами Блох. – Но ни в одном из этих случаев не шла речь о полном изменении внешности, таком, чтобы после выписки из стационара пациента не узнавали даже близкие родственники. В чем здесь криминал, простите?

– Да не волнуйтесь вы так, Евгений Викентьевич, – бархатным тоном успокаивал старлей. – Вас лично никто ни в чем не обвиняет. Контакты с интересующим нас человеком мог иметь и ваш предшественник, покойный профессор... Все, что мы хотим, – это просмотреть фотоснимки ваших пациентов за последние три года до и после операции. Нам известно, как выглядел раньше разыскиваемый нами человек, и мы желаем знать, как он выглядит сегодня. Понимаете? И не надо ничего говорить о врачебной этике и прочей чепухе. Выбора у вас нет... Тем более вполне может статься, что ваша клиника здесь совсем ни при чем. Так что расслабьтесь и просто подумайте о том, что вы, как законопослушный гражданин, оказываете неоценимую помощь Федеральной служ-

бе безопасности. А ведь мы не забываем наших друзей...

– Для того чтобы просмотреть весь архив, понадобится часов пять, – предупредил каким-то замутненным голосом Блох.

– А мы никуда не торопимся! – небрежно ответил Ткачев. – Кстати, еще один крайне важный для нас момент... – Он внимательно посмотрел на явно нервничающего хирурга. – От правдивости ваших слов будет напрямую зависеть продление или непродление лицензии на практику...

– Перестаньте меня пугать. Мне нет смысла конфликтовать с властями!

– Я вижу, мы нашли общий язык. Итак, вспомните, не обращался ли к вам человек с предложением стереть или изменить отпечатки пальцев?

– Нет, что касается, как вы выразились, стирания. А по поводу коррекции – это вообще какая-то научная фантастика, лейтенант! – после короткой паузы фыркнул Блох, покачав головой. – Пластическая хирургия, к счастью для ваших органов, еще не достигла таких заоблачных высот и в ближайшие годы вряд ли достигнет!..

– Вы в этом уверены? – нахмутив брови, глухо спросил Ткачев. – Никаких прецедентов?

– Абсолютно. Бред чистой воды, – стараясь не выдать охватившего его волнения, как можно авторитетнее заверил врач. – Хотя нетрудно себе представить, что начнется, открой мои коллеги способ изменения данного природой и за-

ложенного в генах кожного рисунка! Дактилоскопия просто исчезнет как наука!

И хирург коротко, отрывисто рассмеялся, чувствуя, как гулко стучащее в груди сердце больно сжимает невидимая стальная рука.

Он мог в ответ на явную и вполне реальную угрозу офицера «конторы» от греха подальше сдать наклеившего на себя фальшивую бороду незнакомца из «Субару», с которым встретился всего несколькими часами раньше. Причем оставив себе полученный сегодня аванс. Но прочно зависший перед глазами Евгения чемоданчик с аккуратно уложенными в нем пачками денег, в сумме ровно миллион долларов, перетянул чашу весов на свою сторону.

Нет, синицей в руках сыт не будешь! Нам журавлика на противне подавай! С пылу с жару!..

Хрен вам, псы, а не волосатый, он нам и сам пригодится. Вернее, его денежки.

Осведомитель УБНОНа завязал с наркотой и стал алкоголиком

Основа любого сыска – оперативная информация, получаемая сотрудником милиции от завербованных в разное время и при самых разных обстоятельствах тайных агентов. Это – аксиома. Именно вовремя слитая кем-то из штатных стукачей информация в большинстве случаев выводит сыщиков на след преступника, а отнюдь не молчаливое «холмсовское» размышление под неспешно потягиваемую у камина трубку хорошего кубинского табака...

Покинув дом на Литейном, Валера Дреев сразу же направился на квартиру к своему главному осведомителю, значившемуся в личном деле как платный агент по прозвищу Козырь.

Волею судьбы стукач жил почти по соседству с известной на всю страну питерской тюрьмой Кресты.

Доехав на трамвае до Финляндского вокзала, Валера купил в ближайшем ларьке бутылку не самой дешевой водки и, выйдя на набережную, прошел пару кварталов.

Свернул в вечно пахнущую кошачьими и прочими испражнениями подворотню и, стараясь дышать через раз, поднялся на третий этаж.

Вдавил кнопку звонка, не отпуская ее добрых полминуты. Козырь должен был находиться дома. В это время дня сту-

кач обычно отсыпался после вчерашней попойки, а пьет он ежедневно, с тех пор как перестал колотиться и окончательно слез с иглы.

Протрезвев, приводил себя в более-менее божеский вид и ближе к вечеру отправлялся на «точку», в Катин садик на Невском, где в паре с еще одним барыгой торчал до поздней ночи, сбывая наркоту клиентам.

Будучи пойман при очередной облаве с поличным, не желая больше нюхать парашу, как это часто бывает, рискнул по-крупному и согласился стать милицейским стукачом.

А риск действительно был огромный. Прознай братва про его контакты с Дреевым – и кантоваться Козырю на дне великой реки, как поплавок, с застывшими в тазике с цементом ботинками...

Проторчав у двери несколько минут и добившись того, что измученный звонок стал всхлипывать и сбиваться с равномерного тона, Валера уже было решил, что тянет пустышку, и собрался уходить, но тут в коридоре послышалось шлепанье босых ног по полу, замок щелкнул, и сквозь образовавшуюся между косяком и дверью щель показалась опухшая до синевы физиономия Козыря. Из одежды на худом, покачивающемся, словно фонарный столб под ветром, барыге были только огромные, до колен, трусы в горошек.

– Эк тебя, паря, перекосило!.. – покачал головой капитан, без тени сочувствия вглядываясь в слезящиеся, водянистые и покрасневшие глаза Козыря. – Один? – Он многозначи-

тельно кивнул в сторону квартиры.

– Заходи... – сипло буркнул осведомитель и, более ни слова не говоря, развернулся и пошлепал по паркету обратно.

Дреев проскользнул в прихожую, тщательно закрыл за собой на замок обе двери и прошел в большую комнату.

Зрелище было уже привычным – смятая постель, валяющиеся на полу пустые бутылки, тарелки с остатками вчерашней еды, полная окурков пепельница и жуткая затхлость наполненного всеми ароматами пьянства воздуха.

С тех пор как от наркобарыги ушла его последняя подружка, дома у него царил полный холостяцкий бардак. Все это не очень сочеталось с вполне приличной обстановкой квартиры – добротной мебелью, лепными украшениями на потолке и стоящим в дальнем углу, у окна, большим телевизором «Панасоник».

– Хоть бы окно открыл, что ли, мухи дохнут... – поморщившись, буркнул капитан и, не дожидаясь исполнения своих пожеланий, открыл одну из половинок узкого и высокого большого окна, какие можно найти только в старых домах. – Очухался?

– Выпить... – свалившись задом на скрипнувшую кровать и обхватив лохматую голову руками, простонал Козырь, – ...есть?!

Валера, не отвечая, окинул взором грязную посуду, оставшуюся после вчерашнего гудежа, мимоходом отметив характерные следы яркой губной помады на одном из фужеров,

подошел к секции, вынул из встроенного мини-бара две чистые рюмки, поставил их на журнальный столик с остатками пиршества и, достав из-под куртки бутылку «Синопской», скрутил пробку и разлил водку по рюмкам.

Одна из них, мгновенно схваченная дрожащей рукой спивающегося тридцатилетнего мужика, тут же была сметена порывом похмельного урагана.

– О-ох! – По опухшему лицу Козыря пробежала судорога и легкая тень понятного облегчения. Тусклые глаза, секунду назад безразличные ко всему на свете, зажглись нездоровым блеском. – Еще одну, Петрович, скорее...

Нетерпеливо подхватив вновь наполненную Дреевым стопку, Козырь залпом влил ее в распахнутый рот, медленно стукнул о стеклянную поверхность стола и, откинувшись на спинку кое-как застеленного кожаного дивана, облегченно ухнул.

– Что-то я вчера... того... перебрал...

Валера по-хозяйски присел на кресло напротив. Взял лежащую на столе пачку «Парламента», выщелкнул сигарету, закурил и, пыхнув дымом в потолок, пристально посмотрел на наполовину возвращенного к жизни осведомителя.

– Как бизнес?

– Вроде ништяк, – пожал плечами, косясь на початую бутылку с заветным лекарством, Козырь. – У меня в основном все ширяльцы постоянные, ты знаешь... Вчера слух прошел, что ваши мочканули оптовика... на Васильевском... Ска-

та... А еще, что грохнули одного из ваших... Верно?

– Раз сам в курсе, зачем спрашиваешь? – Дреев нервно стряхнул пепел. – Это все?

– А... разве мало? – пожал плечами Козырь, хватая пол-литру и с благоговейным трепетом на лице вновь булькая в зеленую, с серебряным ободком рюмку выше краев.

К своей емкости задумчивый и хмурый капитан даже не притронулся, и это не предвещало ничего хорошего... Козырь произвольно напрягся: «Сейчас начнет колоть, сука легавая». И, как выяснилось вскоре, не ошибся.

– Ты знаешь, кто убил нашего? – наконец в лоб спросил Дреев, буквально поедая своего подшефного «крота» тяжелым взглядом. Рука с рюмкой повисла в воздухе. – Подумай хорошенько, Илюша... Серьезно подумай... Время у нас есть...

Сглотнув, Козырь выпил и поморщился, без охоты зажевал оставшимся на тарелке со вчерашнего вечера заскорузлым кусочком плавленого сыра: «Не пошло, блин. Как тут пойдет, когда на тебя в упор так пялятся! Вот гнида...»

– Петрович, я же не Нострадамус, – как-то весь подобрался, опустив очи долу и потянувшись к сигаретам, всклокоченный наркобарыга. – Кто же такие вещи рассказывать будет, в натуре?! Сам знаешь, что за убийство мента полагается...

Дав Козырю прикурить от протянутой зажигалки, Валера убрал ее в карман и уже более мягко спросил:

– Тогда второй вопрос. Где можно найти Гоблина? Или – кто может точно знать, где я могу его найти?

На некоторое время в комнате воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как у окна, за тюлем, настойчиво бьется башкой в стекло поздняя муха, а где-то внизу, во дворе, тихо мяукает озабоченная поисками очередного облезлого Мурзика подвальная кошка.

Оттаяв, Козырь рывком затянулся, выплюнул в сторону дым и со страхом и любопытством посмотрел на сидящего напротив капитана:

– Неужели... это он? – прошептал так тихо, словно их могли услышать. – Ох ни ху!..

– Одно лишнее слово, и отправишься вслед за Скотом, – очень убедительным тоном предупредил Дреев. – Но, если сможешь, мы наверняка не поссоримся. Не забывай, корешок, по чьей доброте душевной ты до сих пор на свободе мочалок пашешь, – опер небрежно кивнул на испачканную помадой посуду, – водку лакаешь и колбасу лопаешь, вместо того чтобы, как в прошлую ходку, носки пахану стирать и ночевать под петушачьей шконкой у параши. «Дубль два» захотел?.. Знаешь, – добавил уже на полтона ниже и гораздо мягче, – я к тебе всегда нормально относился, из блудняка не раз вытаскивал, рискуя жопой, но, когда от вашего брата наркобарыги гибнут наши сотрудники, я, как и все конченные менты, просто зверею. Так что не буди во мне хищника, голубь, от всего сердца советую...

– Ну-у... есть тут один вариант... – лихорадочно зыркая по сторонам не находящими точки опоры глазами, осторожно предположил Козырь, сглотнув подступившую к горлу слюну. – Клуб «Старый диктатор» знаешь? Это на...

– Допустим, – перебил Валера, ощутив, как по спине пробежала горячая волна: «Неужели сразу и в жилу?! Колись, колись же, черт неумытый!»

– Там работает вышибалой бывший профессиональный кикбоксер по кличке Чак. Однажды в бою на Кубок Европы ему повредили сустав на ноге, пришлось с большим спортом завязать. Облом приметный – ростом два ноль шесть и всегда ходит в белой рубашке с вышитым воротником. У него их, наверно, целый комплект...

– Он каждую ночь там торчит или есть сменщик?

– Сменщик есть, но Чак в дискотеке почти всегда... – хватая подпрыгивающими пальцами стакан с остатками темной колы, кивнул Козырь. – Он торгует «коксом» и «экстази». А товар как раз берет у Гоблина... Они вообще корефаны по жизни, Гоблин часто с ним сшивается. Однажды я случайно видел их в Зеленогорске, с двумя мочалками, в тачке у Чака. У него «бэмка» нехилая, красный кабриолет. Да и вообще он бабник первостатейный. Второго такого еще поискать нужно...

– Почему раньше я ничего не знал про этого облома? – строго спросил Дреев, вдавливая окурочек в пепельницу. – Опять тихаришься, Илюша... Или забыл, как «бычки» в гла-

зах шипят?

– Так это... вы не спрашивали ничего, – потупился Козырь. – У меня по всему Питеру сотни всяких знакомых, сразу и не вспомнишь.

– Ладно, не ссы, – примирительно ухмыльнулся капитан. – Ты хоть фамилию этого вышибалы знаешь?

– Нет... – мотнул головой информатор. – Только кличку. Но рожа у него протокольная, такого один раз увидишь, потом всю жизнь помнить будешь. На артиста американского Дольфа Лундгрена чем-то похож, только волосы черные и бицепсы покруче. Приложит в табло легонько, мало не покажется... В «Диктаторе» его каждая собака знает, так что пацаны сильно не бузят. Чревато. Если очень хочется – выходят биться на улицу...

Капитан наконец рванул свою рюмку водки.

– Хочешь бесплатный совет?

– Ну... – без энтузиазма покосился на Валеру тайный осведомитель.

– Бросай бухать, понял? Здоровье не купишь. Все, мне пора.

Капитан встал с кресла и протянул поднявшемуся вслед за ним похмельному Козырю руку.

Тот вяло стиснул ее влажными прохладными пальцами и поплелся следом за опером в коридор.

«Пристукнуть бы его как-нибудь, чтобы раз и – все... – с грустью подумал наркобарыга, глядя на широкую спину

прочно держащего его на крючке мента. – Звездануть молотком по затылку, а потом разрубить на куски и вывезти за город, на болота!»

– Да, кстати... – уже положив руку на дверной замок, неожиданно обернулся Дреев. – Когда ты наконец поставишь себе телефон? Случись вдруг хренотень – никакой оперативной связи с агентом. В общем, так... – Он больно ткнул крепким, как камень, указательным пальцем в хилую и бледную грудь сбытчика «дури». – Чтобы сегодня же сходил в «Дельту» и оформил себе мобильник. Насчет отсутствия денег не звезды, знаю я твои доходы. Второй раз повторять уже не стану, увижу, что трубы нет, – сразу прилетит в табло. Усек?

– Ладно, – обреченно буркнул, отведя взгляд в сторону, Козырь. – Сделаю...

«В следующий раз точно убью! – подумал он со злостью, закрывая за шагнувшим на лестницу опером тяжелую входную дверь квартиры. – Достал, сука легавая, кончилось мое терпение».

Медсестра Анечка снимает стресс своему шефу

Свернув с проспекта, оставив позади райотдел милиции и взвизгнув тормозами, «Волга» вскоре остановилась у парадного входа в расположенный в бывшем административном здании на Гражданке коммерческий медицинский центр «Славия», верхний этаж которого занимала клиника пластической хирургии.

Тот, что представился Ткачевым, достал из-под куртки пистолет, загнал патрон в ствол и убрал оружие в боковой карман. Взялся за дверную ручку автомобиля, а потом, словно позабыв задать вопрос раньше, посмотрел на Евгения и спросил:

– Кто сейчас в клинике?

Это прозвучало так, словно офицерам спецслужбы предстояло не торчать у компьютерного монитора, а, как минимум, освобождать захваченных бешеными чеченами заложников.

– Одна дежурная сестра и два пациента в стационаре, обе женщины, – бесцветно отозвался Блох. – Вы кого-то боитесь? Напрасно.

– Выходи, лепила. И не нервируй меня. Предупреждаю в первый и последний раз, потом сразу в рожу, – полуобернувшись назад, наконец подал голос сидящий за рулем широ-

копелчий парень. Похоже, в этой «сладкой парочке» он был старшим. – Топай!

Вышли из машины, поднялись по ступенькам к двери, над которой висела потайная видеокамера.

Только сейчас Евгений обратил внимание, что в руке грозного водителя покачивается плоский, судя по виду, увесистый чемоданчик.

Нажав комбинацию на пульте, Блох распахнул дверь и первым прошел внутрь. Включил неработающее освещение и, не оглядываясь на спутников, поднялся по лестнице на четвертый этаж, где над бронированной дверью в клинику находилась вторая видеокамера. Снова пробежался пальцами по пульту, дождался тихого щелчка и вошел в офис.

Миловидная темноволосая девушка в идеально отглаженном голубом медицинском костюме, сидящая за столом у стены и красящая ногти перламутровым лаком, при виде вошедшего врача быстро опустила кисточку во флакончик, торопливо встала и чуть удивленно перевела взгляд на сопровождающих шефа незнакомых мужчин с каменными лицами.

– Привет! Как себя чувствуют наши уважаемые дамы, Анечка? – улыбнувшись резиновой улыбкой, мимоходом поинтересовался Евгений, направляясь вперед по коридору к своему кабинету. – Жалоб нет?

– Нет, Евгений Викентьевич, все хорошо! Они сейчас спят, – с энтузиазмом ответила девушка. – Может, я приго-

товлю кофе?..

– Обойдемся, – бросил эскулап, доставая из портмоне пластиковую карточку.

Миновав рабочее место секретаря, он чиркнул электронным ключом по сканирующему устройству и вошел в кабинет.

Включил компьютер, набрал пароль доступа к одной из трех групп файлов, не самой конфиденциальной, и, поймав колючий взгляд старшего из фээсбэшников, небрежным жестом указал на монитор, на котором появилась голубая сетка «Нортонa» с именами файлов.

– Приступайте, прошу! А я, если не возражаете, пока вздремну. Спать, знаете ли, очень хочется! – Под пристальными взглядами службистов Блох пересек помещение и демонстративно развалился на длинном кожаном диване у стены, рядом с мерцающим подсветкой большим аквариумом с неспешно плавающими среди водорослей разноцветными рыбками. – Не возражаете?!

– Я тебя предупредил, лепила, не зли, – недобро процедил водила, для Евгения так и оставшийся безымянным. – Будешь понты гнать – пожалеешь. Клоун...

Вопреки ожиданиям хирурга, посланцы могучей спецслужбы не стали листать файлы, а извлекли из чемоданчика плоскую черную коробочку с двумя рядами кнопок и крохотным экраном, при помощи провода соединили ее с компьютером и быстро перегнали содержимое жесткого диска

на свой шпионский аппарат, вне всякого сомнения обладающий огромным запасом памяти. Теперь у них была запись всего, что находилось в главном компьютере клиники.

Затем безмянный фээсбэшник отсоединил провод, убрал мини-компьютер назад в чемоданчик, закрыл цифровые замки, взяв из пенала на столе авторучку, что-то бегло черкнул на листке отрывного календаря, сорвал его и спрятал в карман. Переглянулся с коллегой, чуть заметно кивнул, подхватил чемоданчик и, не сказав ни слова, неспешно вышел из кабинета.

Оставшийся возле стола Ткачев, поманив хирурга пальцем, подождал, пока тот встанет с дивана и подойдет, и сказал:

– Мы решили не тратить понапрасну ваше драгоценное время, уважаемый Евгений Викентьевич, и просто скопировали «винчестер»! Можете быть свободны. Пока... Мы оценим любезно предоставленную вами информацию сами. Если потребуется – подберем ключи к другим группам файлов и если... после просмотра фотографий клиентов у нас появятся вопросы, я дам вам знать, и мы встретимся еще раз. Приятно было познакомиться, до встречи! Извините за столь поздний визит, но служба есть служба!

Панибратски похлопав врача по плечу, Ткачев улыбнулся и, развернувшись, вышел из кабинета.

Секунд десять спустя послышался тихий стук закрываемой в холле клиники бронированной двери.

Вскоре в кабинет с чашечкой дымящегося кофе вошла запыхавшаяся и перепуганная Анечка.

– Кто были эти люди, Женя? Что они от тебя хотели? – дрогнувшим голосом спросила девушка, поставив ароматный кофе на стол и подойдя к задумчиво покусывающему губы Блоху. – Они из милиции, да? Интересовались кем-то из наших клиентов?

– Не думай об этом... – отмахнулся, покачав головой, врач.

Он некоторое время оценивающе разглядывал стоящую перед ним девушку, а потом в его глазах промелькнул холодный огонек.

Протянув руки, хирург взял Анечку за талию, рывком привлек к себе, отчего она охнула, затем подцепил пальцами резинку на невесомых брючках, сдернул их вместе с трусиками вниз, до колен, после, не дав девушке опомниться, развернул ее на сто восемьдесят градусов, сильно бросил на кожаный диван лицом вниз и, тяжело сопя, навалился сверху, одной рукой торопливо расстегивая штаны, а второй – тиская пышную, упругую грудь.

– Ну, Женя... ну подожди, – тихо охала, слабо сопротивляясь вдруг неожиданно обуявшей шефа страсти, дежурная медсестра. – Что это с тобой случилось?! Ты – словно дикий зверь!.. Не рви!

Наконец справившись с одеждой и почуяв налившейся силой вздыбленной плотью мягкую, гладко выбритую влажную

щелку между ног Анечки, Блох рывком вошел в нее и принялся яростно двигать бедрами, стараясь вонзить свой эректор до самого упора.

– Женя, прекрати, мне больно! – отчаянно взвизгнув, попыталась вырваться девушка, но стальные пальцы хирурга больно вцепились в ее груди, а придавивший к дивану торс не давал даже пошевелиться. – Отпусти меня!.. Скотина, переста-а-ань!..

В последний раз изо всех сил ударив пахом в ягодицы медсестры, Блох протяжно выдохнул, на секунду-другую затих, а потом, пошатываясь, словно на шарнирах, встал на ноги, натянул трусы с брюками, застегнул ремень, подошел к встроенному в стену мини-бару и, пока всхлипывающая, размазывающая слезы по испачканному косметикой лицу изнасилованная Аня, поливая его ругательствами, одевалась, налил себе полный стакан шотландского виски и залпом выпил, легко, словно воду.

Потом пересек кабинет, грузно сел за стол рядом с работающим компьютером, и, уронив лицо в ладони, стал покачиваться вперед-назад, бормоча под нос что-то злое и бессвязное...

– Ты... можешь мне хотя бы сказать, что случилось? – чуть погодя послышался совсем рядом уже практически спокойный голос медсестры, и мягкая, теплая ладонь легла на плечо Евгения. – Отчего ты взбесился, Женя?.. Прошу тебя, не молчи!

– Это были люди из ФСБ, – не отрывая лица от ладоней, тихо прошептал хирург. – И они скопировали память компьютера. А там – личные файлы всех клиентов.

– И даже...

– Я же сказал – всех! Это настоящая бомба, Анька, понимаешь ты или нет?

Часть третья

Сын Ворона

Разведчик хочет спать

Разведгруппа внутренних войск, в составе которой был старший сержант милиции Иван Северов, вернулась в расположение части с задания гораздо позже, чем предполагалось, – лишь поздней ночью на следующий день.

Выставленный по периметру огороженной колючкой территории усиленный ночной караул вначале даже принял неслышно подкрадывающихся спецназовцев за боевиков-диверсантов, под покровом темноты регулярно минирующих чавкающие от непролазной жижи подъездные дороги вблизи расположения федеральных сил.

Однако, приняв буквально за секунду перед объявлением общей тревоги и открытием массированного заградительного огня условный сигнал фонариком от старшего группы, начальник караула, облегченно перекрестившись, дал приказ опустить оружие и немедленно доложил по рации в штаб о прибытии заочно уже практически похороненного командованием отряда старшего лейтенанта Березина.

Да, они вернулись – пятеро разведчиков, смертельно

уоставшие, едва стоящие на ногах, перепачканные чужой запекшейся кровью (без единого выстрела вырезали дозор, охраняющий горную базу боевиков) и липкой грязью (ползком пробирались по дну заваленного прелыми листьями и буквально напшигованного растяжками сырого оврага).

Отряд расстрелял в многочасовом отступательном бою с брошенными вдогонку спецназовцами «национальной гвардии» Ичкерии практически весь походный арсенал.

Они вчетвером поочередно несли на плечах двух своих товарищей, один из которых был убит, а второму разорвавшейся противопехотной миной оторвало обе ступни.

На долю же Ивана выпала доставка в часть целым и невредимым захваченного группой на горной базе «языка», судя по речи и документам – наемника из Иордании.

Непрерывные выкрутасы араба вызывали у Северова жуткое желание открутить ему башку, тем более что их преследовали по пятам бородачи из числа «непримиримых» под командованием Исы Исмаилова, и приходилось периодически открывать ответный огонь.

Даже сейчас, оказавшись у своих, в относительной безопасности, и передав мычащего, по-прежнему упирающегося ваххабита в руки особистов, Иван никак не мог поверить, что удержался от расправы. Особенно во время последнего из огневых столкновений с преследователями, когда иорданцу удалось выплюнуть засунутый в рот кляп и, в надежде быть услышанным боевиками, что-то громко крикнуть по-

арабски, а затем, глумливо скривив загорелую рожу, прохрипеть: «Аллах акбар» – и смачно харкнуть Ивану в лицо.

Несмотря на суточное отсутствие пищи и сильнейшее переутомление, есть Ивану не хотелось. Единственным желанием, подчиняющим себе гудящее тело и сузившееся до размеров автоматного курка воспаленное сознание, был сон.

Выпив полную кружку отдающей ржавчиной и болотом мутноватой воды из стоящего в палатке металлического бачка, Иван, как и остальные члены группы, за исключением отправившегося на доклад к комбату старшего лейтенанта, тяжело повалился на застеленный тонким драным одеялом матрац, накрыл стриженную почти под ноль голову подушкой, обеими руками крепко обнял автомат и тут же забылся глубоким, беспокойным, рваным сном вот уже больше полугода находящегося на второй кавказской войне солдата...

Он спал так крепко, что вернувшемуся в палатку пятью минутами позже старлею Березину стоило немалых усилий заставить Ивана снова размежевать веки и окинуть командира, задумчиво нахмурившего брови, ничего не выражающим взглядом покрасневших от недосыпания, блеклых голубых глаз.

– Сержанту Северову приказано срочно прибыть к комбату, – сухо произнес старлей и, вздохнув, добавил уже простым человеческим языком: – Вставай, Вань, Трофимыч к себе зовет... Черт его знает зачем. Так и не сказал... Потом отоспишься, до самого утра...

– У-у! – поморщившись, промычал Северов. Свесив ноги и приняв вертикальное положение, он обхватил чумазое лицо руками, силясь прогнать остатки едва обретенного и такого желанного, затягивающего в спасительную пучину небытия сна. Жалобно скрипнули растянутые пружины. – На черта я подполковнику понадобился?! Из-за того, что козла этого горного чересчур конкретно отхерачил? Так его вообще нужно было... О-о, блин...

Покачиваясь, словно пьяный, сержант встал с койки, поправил повязанный на голове зеленый спецназовский платок, обмыл лицо возле прибитого к центральной палаточной стойке умывальника, утерся рукавом и, подхватив «АКСУ», вышел на продуваемый порывистым ветром промозглый осенний холод, свернув в сторону штабной палатки, рядом с которой на вкопанном в землю столбе горел яркий осветительный фонарь...

Ворон и Али крутят порнуху

Экспертиза таблетки, отданной в «Невбиофарм», оказалась делом не столь быстрым, как хотелось бы Ворону. Вот уже дважды, с интервалом в полтора часа, Сергей звонил в лабораторию и каждый раз слышал от завлаба Рутковского торопливое пожелание «связаться через часик-другой, когда будут готовы окончательные результаты»...

К этому времени Северов уже успел встретиться с Али – единственным в Питере человеком, с которым он мог быть просто самим собой, – и во всех деталях просмотреть подброшенный Ирине шантажистами порнофильм, как выяснилось, сделанный на высоком, если только это определение подходило к данному рода продукции, профессиональном и «художественном» уровне.

Сюжет, как у любой отечественной суперклубнички, был не слишком затейливым – сексуальные приключения русских девушек, проданных в рабство в одну из стремительно впадающих в дикое мусульманское средневековье кавказских республик.

Если верить титрам фильма, данное кино было снято некоей студией «Амадеус-Видео», навряд ли имеющей официальный статус. В отличие от развратной Прибалтики, в России до сих пор производство порно официально находилось под запретом.

В одном из эпизодов фильма Ворон действительно увидел Сосновскую, которая была в прямом телесном контакте с одним из захвативших ее киднеперов. Однако создатели фильма путем монтажа сменили декоративный фон – теперь события происходили не в русской избе, а в кавказской сакле.

– Любопытно, даже очень! – покачав головой, сказал Али, пододвигая к Ворону, сидящему рядом с ним на диване в подсобном помещении похоронного агентства «Ангел», дымящуюся пиалу с зеленым чаем. – С точки зрения силы шантажа ход очень эффективный... – Он положил на край пепельницы сигарету и вопросительно взглянул на молча созерцающего экран видеоплеера Северова.

– Ты прав, полковник. – Ворон нажал на пульте кнопку остановки диска. Взял в руки пиалу, отхлебнул глоток ароматного, вяжущего язык напитка. Одобрительно кивнул. – Обычная видеозапись не столь впечатляет. Совсем другое дело – самый настоящий фильм! Стоит пустить его в свободную продажу, вставив настоящие имена актрис в сопроводительные титры, и сексуальные похождения дочери известного всей стране олигарха станут темой номер один и газет, и телевидения... Пойди потом отмойся от дерьма...

– С другой стороны, не слишком ли сложная комбинация? – немного помолчав, счел нужным уточнить бывший особист Афганской народной армии. – Зачем шантажировать девчонку, подбрасывать таблетки и заставлять травить собственного отца? Огромный риск... В девяти случаях из

десяти нормальная дочь не станет этого делать ни под какими угрозами.

– Тоже верно, – нахмурился Северов, снова прикладываясь к расписной пиале. – Гораздо проще нанять киллера, чтобы он одним точным выстрелом раз и навсегда ликвидировал Сосновского, если тот действительно кому-то мешает. Значит, такой расклад их не устраивает и Михаил Борисович нужен этим архаровцам обязательно живым... Почему?

– Хрен его знает. Таблетки – это уже явный перебор, фильма хватает выше крыши, чтобы заставить олигарха под угрозой его растиражирования отказаться от поездки на Кипр. Конечно, в том случае, если именно этот контракт является причиной шантажа, а не что-то другое, – в свою очередь недоуменно пожал плечами Али. – Вряд ли Сосновский захочет, чтобы его единственное чадо опозорили на всю страну. Хотя в твоей державе, возможно, на это и глаза закроют. А вот случись такое на моей бедной родине, и разъяренные люди забили бы девчонку камнями, наплевав на все папины деньги и связи. И ни у кого бы язык не повернулся их осуждать... – Афганец чуть иронично осклабился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.